

ЭММА СКОТТ

СЕЙЧАС
И
НАВЕЧНО

18+

Я буду бороться за нас,
чего бы мне это ни стоило...

Freedom. Романтическая проза Эммы Скотт

Эмма Скотт

Сейчас и навечно

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Скотт Э.

Сейчас и навечно / Э. Скотт — «Эксмо», 2017 — (Freedom.
Романтическая проза Эммы Скотт)

ISBN 978-5-04-168288-0

ДАРЛИН Три года длился мой путь до ада и обратно... Разум и тело были отравлены. Падать ниже было некуда. Сан-Франциско стал вторым дыханием. Шансом начать все заново, вспомнить, кто я есть. Вспомнить танцы... В этот раз я не сдамся. Последний, кого я бы хотела встретить здесь, это мой новый сосед. Будущий адвокат-моралист. И не думала, что смогу испытать тепло от одного лишь его взгляда. Но, падая в исцеляющую бесконечность, я понимала: «Он никогда больше не посмотрит на тебя как прежде, если ты расскажешь ему правду». СОЙЕР Экзамены, встречи в суде – каждую минуту я балансировал на краю пропасти. Зная, что рано или поздно сорвусь. Ни желания, ни сил на встречи с девушками не оставалось. Я сам едва держался на плаву. Но сейчас мы с Дарлин ужинали вместе. Плохая идея. Она ворвалась в мою жизнь как ураган. Легкая и невесомая. Готовая разрушить эту стену между мной и миром. Что я могу ей дать? Кроме боли и страданий. Да и смогу ли я быть с той, чье прошлое – сплошной обман?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-168288-0

© Скотт Э., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Благодарности	6
Плейлист	7
Посвящается	8
Действие первое	9
Пролог	10
Глава 1	15
Глава 2	24
Глава 3	30
Глава 4	35
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Эмма Скотт

Сейчас и навечно

Emma Scott

FOREVER RIGHT NOW

Copyright © 2017 Emma Scott

Cover design: © Sandra Taufer Grafikdesign

Cover image: © Shutterstock.com (ChunnapaStudio, Klavdiya Krinichnaya, motion_dmitriy, Africa Studio)

Image Numbers: 1134089417, 744944554, 1147237415, 292405142

Адаптация дизайна, макет Юрия Щербакова

© Силаева Ж., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Благодарности

Написание книги – это довольно уединенное занятие, но лишь до тех пор, пока вы не отправите рукопись первому человеку, который прочтет ее. После этого она внезапно становится слишком неподъемной для автора, чтобы нести эту ношу в одиночку. Я вечно буду благодарна следующим людям за то, что помогли мне «протащить книгу через горы» и явить ее всему миру. Я бы никогда не справилась без вас: Анджела Шокли, Джой Крибель-Садовски, Кэтлин Рипли, Жаннин Эллисон, Сара Торпи, Сюанна Лакер, Дженнифер Бэллоу-Гхош и Уильям Хэйрстон.

Огромное спасибо Тому Рипли за юридическую консультацию. И хотя я придерживалась своих исследований и его советов, все же позволила себе некоторую вольность и проявила творческий подход к трактованию отдельных аспектов калифорнийского законодательства об опекунстве. Не убивайте меня.

Блогерам, читателям и невероятным людям из сообщества – без вас выполнение этой работы было бы невозможным. Спасибо.

Грею, который буквально спас меня от катастрофы. Спасибо за твою доброту, потраченное время и за то, что ты был рядом даже поздней ночью, *особенно* за последние правки. Люблю.

Мелиссе Панио-Петерсен, которая не дает мне сойти с ума, пока я записываю мысли, а затем оформляет мои слова в красивую обложку. Спасибо за то, что делишься своим временем, талантом и мастерством, а также за то, что шесть лет подряд становишься победителем конкурса «Самый здравомыслящий и веселый человек в мире».

Робин Рене Хилл за все вышесказанные причины и еще тысячу других, о которых я уже не припомню, но уверена, что мы о них говорили по электронной почте, и, скорее всего, все

закончилось тем, что ты прислала мне эмодзи с закатанными глазами.

тебя больше, чем все пироги в мире.

И каждому участнику объединения «Соратники Эммы». Никакие слова в мире не смогут выразить, как много вы для меня значите, как я всем вам благодарна. Спасибо за то, что вы всегда следуете за мной. Я плачу от радости чаще, чем вы можете себе представить. Спасибо.

Плейлист

- «Sex and Candy» – Marcy Playground
- «Down» – Marian Hill
- «One More Light» – Linkin Park
- «Tightrope» – LP
- «Open Your Heart» – Madonna
- «You and Me and the Bottle Makes Three Tonight» – Big Bad Voodoo Daddy
- «Cheek to Cheek» – Ella Fitzgerald
- «In the Mood» – The Glenn Miller Band
- «To Wish Impossible Things» – The Cure
- «Muddy Waters» – LP
- «Cell Block Tango: Chicago the Musical» – Kander and Ebb
- «Only Hope» – Mandy Moore

Посвящается

Тем, кто ведет тайные сражения: не позволяйте свету внутри погаснуть. Эта книга для вас.

Действие первое

*Совпадение противоположностей (философия):
откровение о единстве вещей,
которые раньше считались разными.*

Пролог

Сойер

15 августа, 10 месяцев назад

Я едва расслышал звонок в дверь из-за грохочущей музыки и смеха сотни моих ближайших друзей. Джексон Смит кивнул мне с другого конца комнаты с улыбкой на лице, больше наминающей оскал. Он был одет, как Роланд-Стрелок Идриса Эльбы, а я – как Человек в черном. Сквозь толпу разодетых гостей, каждый из которых олицетворял злодея из фильмов или комиксов, я прочел по его губам фразу: «*Твоя очередь*».

Закатив глаза, я наклонился к красивой рыжеволосой девушке в костюме Ядовитого Плюща, которая сидела рядом. Она училась на втором курсе в Гастингсе и расспрашивала меня о том, какие преподаватели были самыми строгими на третьем курсе, то есть на моем; впрочем, не думаю, что она слушала. Ее взгляд все время скользил вниз к моему рту.

Джексон покачал головой и состроил глазки симпатичной сестре Рэтчед¹ рядом с ним, а затем преувеличенно пожал плечами.

Я глубоко вздохнул и почесал глаз средним пальцем.

– Мне надо отойти по делам, – сказал я Ядовитому Плющу. Кажется, ее зовут Карли или Марли. Не то чтобы это имело значение. Ее имя было последним, что мне от нее нужно. Я одарил ее своей фирменной улыбкой, которую друзья прозвали «трусикосрывательной». – Посторожишь для меня место?

Карли-Марли кивнула и одобрительно улыбнулась в ответ.

– Я никуда не уйду.

– Отлично, – ответил я, и наши взгляды задержались друг на друге, будто из-за заключения негласного соглашения.

«Сегодня вечером у кого-то будет секс».

Я одарил Джексона торжествующей улыбкой, на что он отсалютовал мне двумя пальцами. Рассмеявшись, я начал пробираться сквозь толпу.

Мы с Джексоном и еще двумя парнями арендовали дом в викторианском стиле в районе Аппер-Хейт. Юридическая школа Гастингса Калифорнийского университета не имела студенческого братства, так что трехэтажный дом стал отличным решением. Наши вечеринки снискали скандально известную славу, и я был рад, что и эта не стала исключением. Гости раскачивались под песню «Sex and Candy», звучащую из современной акустической системы Джексона. Мне все улыбались, хлопали по спине и наклонялись, чтобы прокричать пьяным голосом, что эта вечеринка Злодеев – «лучшая вечеринка на свете». А я улыбался в ответ и согласно кивал.

Каждая наша тусовка становилась «лучшей вечеринкой на свете».

¹ Милдред Рэтчед – вымышленный персонаж и главный антагонист романа Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» и одноименного сериала «Рэтчед».

Я открыл дверь с чарующей улыбкой и готовностью извиниться перед соседями, если кто-то вдруг пришел жаловаться на шум. Но улыбка моментально сползла с моего лица, словно маска, и я вздрогнул.

Молодая женщина с темными волосами, собранными в растрепанный хвост, две пряди из которого свободно обрамляли ее узкое лицо, смотрела на меня затуманенными и налитыми кровью глазами. На ней были выцветшие джинсы, грязная футболка, а сама она сгибалась под тяжестью огромной сумки на плече. От нее несло перегаром – типичным запахом для человека, который напился вусмерть прошлой ночью.

Видение, представшее передо мной, никак не соотносилось со смутным воспоминанием об этой же девушке: необузданной и хохочущей девчонке в баре; закидывающей в себя стопку за стопкой, словно воду, а потом целующей меня в такси. Я будто снова почувствовал вкус водки и клюквы на губах, с которых слетело ее имя:

– Молли... Эббот?

– Привет, Соьер, – поприветствовала меня девушка и поправила ребенка у себя на руках. Ребенка.

Мой желудок сжался. Расплывчатые воспоминания стали яркими и живыми, беспощадно ясными.

Чуть больше года назад. Летняя поездка в Вегас. Поцелуй в такси, который привел к опьяняюще страстной ночи в кровати Молли в ее крошечной квартирке и ее слабым заверениям, что она принимает таблетки. А потом я оказался внутри нее, не позаботившись хоть о какой-нибудь защите.

Слова сами собой вылетели из моего рта:

– Дерьмо.

Молли издала нервный смешок и перевесила большую, переполненную нейлоновую сумку на другое плечо.

– Ну вот мы и пришли, – сообщила она и привстала на носочки, чтобы заглянуть мне через плечо. – Вечеринка? Выглядит эпично. Извини, что вот так заявила, но...

Я вышел за порог и закрыл за собой дверь. Музыка и смех оборвались на полуслове, стали приглушенными. Мой взгляд метнулся к малышу, завернутому в потрепанное одеяло с желтыми плюшевыми мишками и пятнами грязи на нем. Сердце колотилось о грудную клетку, словно в огромный барабан.

– Что... что ты здесь делаешь?

– Я была в городе, – сглотнув, ответила Молли, стараясь не смотреть мне в глаза. – Хотела познакомиться тебя.

– Познакомить меня...

Молли снова сглотнула и посмотрела на меня так, будто ей это стоило всех усилий.

– Могу я войти? Мы можем... поговорить? Всего одну минуту. Я не хочу портить тебе вечеринку.

– Поговорить...

Шок превратил меня в тупицу. Я был выпускником, произносившим прощальную речь перед всем классом в Калифорнийском университете; сейчас – студент-отличник юридической школы Гастингса, и вот я вынужден повторять как попугай последнее, что услышал. Мой взгляд вновь метнулся к ребенку, чье лицо было скрыто под одеяльцем.

«Познакомить меня. Черт возьми».

Я моргнул и встряхнул головой.

– Да, э-э... конечно. Входи.

Я забрал у Молли сумку, и моя рука дрогнула от ее веса. Повесив ее на свое плечо, я повел Молли через толпу злодеев в свою спальню, расположенную рядом с кухней. В комнате было темно, и я включил свет. Прищурившись, Молли огляделась.

– Хорошая комната, – сказала она. К ее джинсам налипла грязь, а один из карманов куртки был вывернут наизнанку. Это было похоже на костюм бездомной девушки с ребенком, а не злобной медсестры или ведьмы. – Дом просто отличный. Такой огромный. – Она присела на край кровати, покачивая ребенка на руках. – Ты тоже хорошо выглядишь, Сойер. Учишься в юридической школе, да? Собираешься стать адвокатом?

– Ага, – я коротко кивнул.

– На твоей страничке в «Фейсбуке» я прочитала, что ты собираешься работать на федерального судью после выпуска. Это большое дело, да? Типа отличная работа.

– Надеюсь, – сказал я. – Но пока у меня нет работы. Надо сперва закончить учебу. Сдать экзамен на адвоката, а потом судья должен выбрать меня.

Я уже ощущал на себе невероятное давление. Мой взгляд наткнулся на ребенка, и во рту пересохло.

– Звучит неплохо, Сойер, – проговорила Молли. – Кажется, у тебя действительно все хорошо.

– Вроде нормально. – Я сделал глубокий вдох. – Молли?..

– Ее зовут Оливия, – сообщила она, перекладывая ребенка на другую руку. – Красивое имя, правда? Я хотела, чтобы оно звучало... по-умному. Как ты.

В животе образовался комок, а ноги колело от желания вскочить и бежать без оглядки... Но вместо этого я рухнул на кровать рядом с Молли, словно магнитом притянутый к свертку у нее в руках.

– Оливия, – пробормотал я.

– Да. И она *умная*. Умнее своего возраста. Она уже умеет держать головку, и все такое.

Молли стянула одеяло с лица младенца, и у меня перехватило дыхание. Я увидел круглые щеки, крошечные пухлые губки и закрытые глаза. От Молли несло выпивкой, как и от меня – из-за «особого» пунша, приготовленного соседом. Но Оливия пахла чистотой, детской присыпкой и чем-то сладким, что, наверное, присуще только младенцам.

– Она красивая, да? – спросила Молли, нервно поглядывая на меня. – Похожа на тебя.

– Похожа на меня...

За моей дверью гремела вечеринка, но слегка приглушенно. Гости смеялись, выпивали и, вероятно, трахались. Как и я тринадцать месяцев назад.

– Ты уверена, что она?.. – Я не смог закончить свой вопрос.

Молли быстро кивнула головой.

– Она твоя. На сто процентов, – и прикусила губу. – Хочешь ее подержать?

«*Господи, нет!*»

Руки раскрылись сами собой, и Молли вложила в них малышку.

Я пялился на Оливию, желая, чтобы крохотные черты лица стали более узнаваемыми. Хоть какая-нибудь подсказка или наследственный шепот, что она действительно моя. Но девочка не была похожа ни на меня, ни на Молли. Самый обычный ребенок.

«*Мой ребенок?*»

Молли фыркнула, и я приподнял голову, увидев, как она улыбается нам с Оливией.

– Так естественно, – мягко сказала она. – Я знала, что так и будет.

Я снова взглянул на младенца, проглотив целый ком нахлынувших эмоций.

– С-сколько ей?

– Три месяца, – ответила Молли и ткнула меня локтем. – Помнишь ту ночь? Довольно дикая, да?

Я вскинул голову вверх.

– Ты сказала мне, что принимаешь таблетки.

Она вздрогнула и заправила прядь волос за ухо.

– Так и есть. Они не сработали. Иногда такое случается.

Я недоверчиво посмотрел на нее, а потом мой взгляд снова вернулся к ребенку. Девочка зашевелилась во сне, и ее маленький кулачок коснулся подбородка. Одна половина моего непробиваемого сердца словно затаилась перед надвигающимся штормом, выстраивая стены и укрепляя оборону, потому что не доверяла происходящему. Другая же восхищалась крошечными движениями малышки, словно маленьким чудом. Мне хотелось смеяться, плакать и кричать одновременно.

– Я долго сомневалась, прежде чем прийти сюда, – пробормотала Молли. – Но я лишь хотела, чтобы ты познакомился с ней, и вот... мы здесь.

– Вы остановились в городе? Вам есть где?..

Внезапно в моей голове проскользнул вопрос: а должна ли Молли переезжать ко мне, – и реальность ситуации обрушилась на меня ведром ледяной воды. Мне оставалось еще девять месяцев учебы в университете. Мне нужно было сдать экзамен, дающий право на юридическую практику, *с первого раза*, если я надеялся получить должность у судьи Миллера. Работа на него – мой билет в будущее, в карьере мечты в качестве федерального прокурора.

– Какого черта, Молли. Я не могу... Не могу завести *ребенка*, – сказал я, повысив голос. – Мне всего двадцать три чертовых года.

Молли фыркнула и скрестила руки на груди.

– Да неужели? Ты *можешь* завести ребенка, Соьер. Раз умеешь сексом заниматься, значит, и ребенка иметь можешь. Что у нас и получилось.

Я стиснул зубы, буквально выплевывая каждое слово:

– Ты говорила, что принимаешь таблетки.

Она пялилась на меня в ответ, и я понял, что разговор бесполезен. Повторяя эти слова снова и снова, я бы не заставил ребенка на моих руках волшебным образом исчезнуть. Таблетки могли не сработать, или Молли наврала мне, но в туманных, пропитанных выпивкой воспоминаниях о той ночи была одна секунда, когда я подумывал надеть презерватив, как поступал всегда, но не сделал этого.

– Черт, – прошептал я, и глубокая печаль охватила меня, когда я посмотрел на маленькое личико Оливии. Печаль из всех страхов и тревог, завернутые вместе с ней в один тугой сверток. Я глубоко вздохнул. – Хорошо, что дальше?

– Не знаю, – произнесла Молли, сжимая руки на коленях. – Я просто... хотела повидаться с тобой. Узнать, как у тебя дела, и позволить тебе познакомиться с ней. Я совершила кучу ошибок в жизни. Все еще совершаю их. – Она слабо улыбнулась. – Но ты... Ты хороший парень, Соьер. Я знаю, что это так.

Я нахмурился и покачал головой.

– Это не так. Господи, Молли...

– Могу я воспользоваться уборной? – спросила она. – Дорога была слишком долгой.

– Да, конечно, – ответил я. – Дальше по коридору, первая дверь налево.

Она втянула воздух и, наклонившись, поцеловала ребенка в лоб, а затем быстро вскочила и вышла из комнаты.

Я держал Оливию и наблюдал, как она просыпается. Ее веки затрепетали, и она впервые встретилась со мной взглядом. У нее были глаза Молли – голубые, а не карие, как у меня, но я почувствовал, как нечто необъяснимое поднимается внутри. Один крошечный надлом в моей душе, первый из многих, который в конечном итоге приведет к полному перекраиванию моей личности, превратив меня в кого-то, кого я даже не узнаю.

– Привет, – прошептал я своей дочери.

«Своей дочери. Господи...»

Внезапная паника прорвалась сквозь шок и страх. Я рывком поднял голову, судорожно оглядев свою комнату, огромную сумку на полу и пустое место, где минуту назад сидела Молли. Дыхание перехватило в груди от медленного понимания того, что произошло.

Я вскочил с кровати и с младенцем на руках бросился в гостиную, где полным ходом шла вечеринка. Шум напугал Оливию, и ее крики прокатились по дому, словно пожарная тревога, обрушиваясь на окружающих, пока музыка не стихла. Все разговоры и смех сошли на нет. Я оглядел комнату в поисках Молли, но обнаружил только недоуменные взгляды и усмешки. Джексон стоял, разинув рот, с миллионом вопросов в глазах. Другие соседи тоже не отрывали от меня взглядов. Сексуальная улыбка Карли-Марли превратилась в смущенную. Я едва замечал что-либо, пока мой взгляд был прикован к слегка приоткрытой входной двери.

«О мой бог...»

В промежутке между нарастающими воплями Оливии кто-то фыркнул от смеха.

– Вечеринка, кажется, окончена.

Глава 1

Дарлин

15 июня, наши дни

Музыка вступила с одиноких аккордов фортепиано. Несколько печальных нот, затем мягкий, чистый голос молодой женщины.

Я начала на полу, босиком, в легинсах и футболке. Ничего профессионального. Никакой хореографии. Я вообще не собиралась сюда заходить, просто шла мимо по улице. Помещение оказалось свободным, и я сняла его на тридцать минут, не успев даже отговорить себя. Расплачивалась я трясущимися руками.

Я отключила все свои мысли, позволив только телу слушать музыку. Движения получились немного скованными: давно не практиковалась. Мышцы были зажаты, а конечности подрагивали, пока не заиграл ритмичный бит – металлические звуки хай-хэта² и незамысловатый техно-бит. И тогда я отпустила себя.

Ты согласен?..

Ты согласен?..

Ты согласен, согласен, согласен?..

Спина выгнулась дугой, а затем обрушилась вниз. Я извивалась в контролируемых движениях: мое тело представляло собой череду плавных фигур и изгибов, волнообразных линий и вращений, раскачивающееся под звуки фортепиано и голос певички, настойчивый и одинокий.

Ты согласен?..

Пuls снова участился, и я вскочила, пересекая студию, прыгая и вращаясь вокруг своей оси; моя голова кружилась, а руки тянулись вверх и в стороны в попытках ухватиться за что-то, но находили лишь воздух.

Ты согласен?..

Мышцы проснулись от движений танца, ноя и жалуясь на непривычные и давно забытые требования. Дыхание становилось все тяжелее, словно в груди осел камень, а между лопатками струился пот.

Ты?..

Ты?..

Ты?..

Несколько капель упало с подбородка, когда я рухнула на колени, словно попрошайка.

² Хай-хэт – тип тарелок со стойкой, используемый в ударной установке.

...Согласен?

Я глубоко вздохнула, и легкая улыбка растянулась на губах:

– Может, и нет.

В метро, по пути в уютную квартирку-студию в Бруклине, которую я делила со своим парнем, мой пульс не замедлился. Серый «бабушкин» свитер прилип к вспотевшей спине. Я только что танцевала. Впервые более чем за год. Крошечный шажок шириной в целую милю; он один охватил столько свободного пространства.

Сегодня я ступила во влажный июньский день в Нью-Йорке. Три года назад я сошла с автобуса из Столичного центра заключения в Бруклине после трехмесячного срока за хранение наркотиков. Через полтора года чуть не умерла от передозировки на новогодней вечеринке. Падать ниже некуда.

Я не танцевала все это время: мне казалось неправильным позволять себе заниматься любимым делом, когда мой разум и тело отравлены. Но Рой Гудвин – лучший инспектор в мире по условно-досрочному освобождению – помог мне принять меры, необходимые для сокращения моего срока. В течение года я обязана была ходить на собрания анонимных наркоманов, но в целом жизнь начата с чистого листа. Я даже практически получила лицензию косметолога и сертификат массажиста.

«Я сегодня танцевала».

Жизнь налаживалась. Я взяла себя в руки. А Кайл... Я могла бы наладить отношения и с Кайлом. Мы переживали тяжелый период, вот и все. Черная полоса, которая тянулась уже два месяца.

Мои надежды рухнули с тяжелым вздохом. Только сегодня утром потребовалось три попытки, чтобы заставить его наконец откликнуться на свое имя. В последнее время его улыбки были полны извинений, а в глазах застыло равнодушие. Я видела это раньше. Никаких истерик. Никого грандиозного скандала. Просто исчезновение. Иногда с запиской или сообщением.

Несмотря на жару, я вздрогнула и пошла быстрее, словно пытаюсь убежать от собственных мыслей. В миллионный раз меня терзал вопрос, зачем я пыталась удержать Кайла: потому что забочусь о нем или потому, что мне противна сама мысль о том, чтобы позволить очередным отношениям ускользнуть от меня сквозь пальцы.

– Это не конец. Пока нет, – сказала я, шагая в своих армейских ботинках по кварталу.

В этот раз я не собиралась сдаваться. Только не снова. Я должна наконец сделать что-то правильное. Я была чиста уже больше года, а с Кайлом – и того дольше. Самые длительные отношения в моей жизни. Мне нельзя облажаться. Больше нет. Буду крепче держаться за отношения, если возникнет необходимость.

На третьем этаже обшарпанного здания я открыла дверь в квартиру 3С и зашла внутрь... споткнувшись о спортивную сумку. Спортивную сумку Кайла. Она была так плотно набита, что молния, казалось, вот-вот лопнет. Я закрыла за собой дверь и подняла взгляд, прищурившись, будто это могло свести на нет боль от увиденного.

Кайл сидел за маленькой кухонной стойкой и писал записку. Заметив меня, он отложил ручку в сторону. Медленно.

Записка. Не сообщение.

– Эй, детка, – сказал он, едва взглянув на меня. – Прости, я...

– Не начинай, – попросила я. – Просто не начинай. – Я обхватила себя руками. – Ты даже не собирался мне говорить?

– Я... не хотел устраивать сцен. – Он вздохнул и провел рукой по своим растрепанным светлым волосам. – Мне жаль, Дарлин. Правда. Но я больше так не могу.

– Не можешь что? – Я покачала головой. – Нет, забей. Не хочу это слышать. Не снова. *«Снова. Меня снова недостаточно. Я недостаточно хороша. Недостаточно смешная, красивая и что-то там еще».*

– Недостаточно крепко держала, – пробормотала я.

– Дарлин, ты мне небезразлична, но...

– Тебе жаль, *но*. Я тебе небезразлична, *но*. – Я покачала головой, слезы душили меня. – Уходи, раз собрался, но не говори мне ничего. Ты делаешь только хуже.

Он вздохнул и умоляюще посмотрел на меня.

– Ну же, Дар. Я знаю, что не одинок в этом. Ты тоже это чувствуешь. В баке просто... ничего не осталось, верно? Мы пытаемся завести этот двигатель, надеемся, что появится искра, заставив его работать. Но в глубине души оба знаем, что этого не произойдет. – Он покачал головой. – Дело не во мне. Не в тебе. Все дело в нас.

Я открыла рот, чтобы ответить ему. Начать все отрицать. Кричать, проклинать и злиться. Но сказала только:

– Да, думаю, да.

Кайл снова вздохнул, но на этот раз с облегчением. Он подошел ко мне, и я крепко обняла его: попыталась впитать ощущение его рук на мне в последний раз. Я втянула носом запах, крепче вцепившись в него. Затем выдохнула, и он ускользнул.

Кайл направился к двери, а я отступила назад в сторону крошечной кухни. Кайл перекинул сумку через плечо.

– Увидимся, Дар.

Я отвела глаза в сторону, а затем зажмурилась, услышав звук закрывающейся двери. Щелчок был таким же громким, как и пощечина.

– Увидимся, – пробормотала я.

– Ты уверена, что хочешь это сделать? – спросила Зельда. Скрип подъезжавшего к остановке автобуса практически заглушил ее слова, а легкий летний дождик осыпал, словно бриллиантами, длинные темные волосы моей подруги.

Бекетт, ее жених и мой лучший друг, возвышался над ней. Инстинктивно он слегка склонился, защищая ее от непогоды, думаю, даже не осознавая, что делает это. Он нахмурился, поджав губы. Беспокойство сделало его голубые глаза более пронзительными.

– Уверена, – ответила я Зельде, поправляя на плече тяжелый рюкзак. Подошел носильщик и забрал мою зеленую армейскую сумку, чтобы поставить ее в отсек в нижней части автобуса. – А *готова* я или нет, это уже другой вопрос.

– Так ты готова сделать это? – спросил Бекетт с легкой усмешкой.

Зельда толкнула его.

– Умник.

Мой взгляд скользнул по ним с нежностью и... завистью. Зельда и Бекетт получили свое «долго-и-счастливо» и жили, публикуя комиксы и безумно любя друг друга. Зависть ужалила меня из-за того, что есть у них: любовь, которая казалась невозможной для человека с моей

историей. Но я покидала город не для того, чтобы кого-то найти, а чтобы оставить кого-то в прошлом. Прежнюю себя.

Расставаться с Зельдой и Бекеттом немного страшно, но поскольку они были моими лучшими друзьями, я знала, что они не исчезнут из моей жизни после отъезда из Нью-Йорка.

– Святые угодники. Я уезжаю из Нью-Йорка.

– Ну да, – подтвердила Зельда. – Ты не просто оставляешь город, ты собираешься проехать через всю страну.

Она поджала губы и пристально посмотрела на меня своими огромными зелеными глазами.

– Повтори, пожалуйста, что такого есть в Сан-Франциско, чего нет в Бруклине?

«Шанс начать все заново, где никто не знает, что я бывшая наркоманка».

– Работа, спонсор из общества анонимных наркоманов и шестимесячная субаренда, – ответила я, заставив себя улыбнуться. – Не переживай. Если новый город пережует меня и выплюнет, то к Рождеству я вернусь в Нью-Йорк.

– У тебя все получится, – сказал Бекетт, заключая меня в объятия.

Я прижалась к нему в ответ.

– Спасибо.

– Звони, если что-нибудь понадобится. В любое время.

Я спрятала свою грустную улыбку в его куртке. Меня нельзя назвать человеком, которому звонят в трудную минуту. Я звонила, но никогда не была той, кто получает эти звонки.

«Но я могу все изменить».

Подошла очередь объятий Зельды, и я почувствовала исходящий от нее запах корицы и чернил.

– Люблю тебя, Дар.

– Люблю тебя, Зел. И тебя тоже, Бек.

– Будь осторожна, – сказал Бекетт. Дождь усилился, и парень накрыл девушку своей курткой.

– Убирайтесь отсюда, пока я не разрыдалась, – воскликнула я, прогоняя их.

Пара двинулась прочь, и, когда они скрылись из виду, я шагнула под дождь, подставив лицо под капли.

Ничто в мире не могло сравниться с нью-йоркским дождем. Я позволила ему окропить себя в последний раз, прежде чем сесть в автобус, надеясь выйти в Сан-Франциско чистой и обновленной.

Оказалось, что в трехдневной поездке на автобусе нет ничего обновляющего.

Через три тысячи миль – большая часть которых была проведена с маленькой старушкой по соседству, похрапывающей на моем плече – я сошла с автобуса «Грейхаунд»³ в ослепляющие солнечные лучи раннего утра Сан-Франциско. Город оказался более золотистым и сверкающим, нежели туманный Нью-Йорк, и я потянулась, приветствуя его. Позволила ему проникнуть в меня, представляя, как золотой луч света наполняет меня силой духа и воли, помогая стать лучшей версией себя. Я, конечно, не превратилась волшебным образом в одного из супергероев комиксов Зельды, но все равно было приятно.

³ Крупная автобусная компания в США.

Когда носильщик освободил багажный отсек автобуса, я нашла свою огромную зеленую сумку и перебросила через плечо, присоединив ее к весу фиолетового рюкзака на спине. Затем вышла к центру вокзала, чтобы найти карту общественного транспорта, которая указала бы мне путь в мой новый район. Взгляд остановился на молодом парне, прислонившемся к фонарному столбу и сканирующем толпу. Он выглядел как типичный голливудский красавчик – актер, играющий кочегара в фильме пятидесятых, с густыми темно-каштановыми волосами и точеной челюстью. На нем была белая футболка, джинсы и черные ботинки. Единственное, чего ему не хватало, это сигареты, заправленной за ухо, и рубашки с закатанными рукавами. Он заметил меня и оттолкнулся плечом от столба.

– Дарлин Монтгомери?

Я замерла.

– Да. Кто?.. Вы Макс Кауфман?

– Это я, – ответил он, протягивая руку.

– Не слишком ли вы молоды для спонсора? – задала вопрос, блуждая взглядом по его широкой мускулистой груди, красивому лицу и пронзительным карим глазам.

«Он слишком горяч для спонсора. Господи, помилуй».

– Сильные мира сего посчитали, что у меня достаточно опыта для помощи, – произнес Макс. – Я слишком рано встал на этот порочный путь.

Я усмехнулась.

– Продвинутый для своего возраста?

Макс ухмыльнулся в ответ.

– Первый среди малолетних преступников.

Я рассмеялась, а затем вздохнула.

– Ты очарователен.

– Повтори.

Я подбоченилась одной рукой, а другой пригрозила ему:

– Предупреждаю сразу, я завязала с мужчинами на год. Так что, несмотря ни на что, между нами ничего не будет, ясно? Даже если я позвоню тебе ночью, рыдая от отчаянья, ты должен оставаться сильным. Понял?

Макс скептически рассмеялся.

– Ладно, здесь только доля шутки, – сказала я. – Не думаю, что ты хочешь прыгнуть со мной в постель, но я гарантирую, что у меня будет по крайней мере одна одинокая ночь, а ты до смешного красив. Опасное сочетание.

Макс снова разразился смехом.

– Я полностью принимаю твои условия. Твое целомудрие в безопасности, Дарлин, обещаю.

Я прищурилась.

– Ага, охотно верю.

– Слово скаута.

– Окей. Неплохое начало, – ответила я. – Но это не значит, что я не попытаюсь позвонить тебе.

Макс усмехнулся, покачав головой.

– Думаю, я справлюсь. – Он протянул мне руку, за которую я сразу же ухватилась. – Давай познакомлю тебя со всем здесь.

– Так ты мой официальный проводник по Сан-Франциско?

– Любезно предоставленный обществом анонимных наркоманов и министерством юстиции.

– Три собрания в неделю – это перебор, не находишь? Я чиста уже полтора года, – возмущенно пробурчала я в ответ.

– Не мне решать, – сказал Макс, посмотрев на меня сверху вниз. – Ты же знаешь, что не можешь пропустить ни одного собрания?

– И не собираюсь. Пусть у меня будет десяток одиноких ночей, но это не значит, что я вернусь к употреблению. Не вернусь. Никогда.

Макс улыбнулся на мои слова.

– Приятно слышать.

– Знаю, знаю. Ты уже слышал подобное раньше.

– Ага, но все мы с чего-то начинали.

Мы вышли на залитую солнцем улицу Сан-Франциско, и я огляделась по сторонам, рассматривая свой новый город. Указатель на углу гласил: «Фолсом и Бил». Черные буквы на белом фоне, а не как в Нью-Йорке, где белый печатался на зеленом.

– Что-то новенькое, – пробормотала я.

– Что? – спросил Макс.

– Ничего.

От автобусной станции Макс повел меня к метро, где мы сели в трамвай – систему общественного транспорта Сан-Франциско – ведущему вглубь города. По сравнению с картой Нью-Йоркского метро красные, зеленые и желтые линии выглядели совсем просто.

– Выглядит не так уж плохо.

– Город всего семь на семь миль, – ответил Макс, держась за поручень, когда поезд с визгом понесся под землей к моей квартире в районе под названием Дюбус Траянгл. – Достаточно большой, чтобы казаться настоящим городом, но не настолько, чтобы в нем можно было заблудиться.

– Это хорошо, я приехала сюда не для того, чтобы теряться.

– Напротив, – сказал Макс. – Ты здесь, чтобы найти себя.

– Какая мудрая мысль.

Он пожал плечами.

– Зато правдиво.

Я слегка оттолкнула его локтем.

– Консультация уже идет?

– Двадцать четыре на семь. Я всегда буду рядом, когда бы тебе ни понадобилась помощь. Понимаю, как тяжело начинать все сначала. – Макс почесал подбородок. – Или просто продолжать жить, если честно.

Я улыбнулась, почувствовав разливающееся в груди тепло.

– А у тебя был спонсор на пути твоего выздоровления? Надеюсь, ты справился.

Темные глаза Макса немного затуманились, а улыбка погасла.

– И да, и нет.

Поезд со скрипом остановился. Мы снова находились на поверхности земли, и день выдался великолепным.

Мы покинули поезд, и Макс перебросил мою сумку через плечо, словно она не весила ни фунта, в то время как мой переполненный рюкзак, казалось, весил целую тысячу.

– Надеюсь, тут недалеко, – сказала я.

– Повтори адрес, пожалуйста.

Я назвала адрес, и он повел меня на запад по Дюбус-стрит.

– Хороший район. Ты нашла здесь квартиру?

– Мой друг сказал, что это последний дом в викторианском стиле с регулируемой арендной платой во всем Сан-Франциско.

– Твой друг прав, – ответил Макс. – В большинстве районов города фраза «регулируемая арендная плата» вызывает лишь приступ недоверчивого смеха. – Он усмехнулся. – А потом слез.

– Тогда я не скажу тебе стоимость аренды.

– Ну и слава богу.

– Итак, когда не проводишь каждый божий час в роли моего спонсора, чем ты занимаешься? – спросила я.

– Я фельдшер «Скорой помощи» в Калифорнийском университете.

– Правда? Ты не шутил, когда говорил, что круглосуточно спасаешь жизни.

Он небрежно пожал плечами, но его улыбка показала, насколько ему приятно слышать мои слова.

– Что насчет тебя? Есть работа?

– Вроде того, – ответила я. – Заканчиваю курсы массажа...

– И?.. – отреагировал Макс на мое молчание. – Здесь должна быть вторая часть предложения.

– Раньше я танцевала. В прошлой жизни, если ты понимаешь, о чем я.

– Понимаю, – сказал Макс. – Старая жизнь, жизнь наркомана и новая. Жизненный цикл восстановления. И как? Танцы пережили этап наркотической зависимости, чтобы появиться в новой?

– Посмотрим, – проговорила с небольшой улыбкой. – Очень надеюсь.

Макс кивнул.

– Порой это все, что тебе нужно.

Мы шли вдоль ряда домов в викторианском стиле, каждый из которых пристроился к соседнему и был окрашен в свой цвет. Я взглянула на адрес, написанный на руке, затем на трехэтажный дом кремового оттенка, зажатый между бежевым зданием поменьше и домом из состаренного кирпича.

– Вот этот, – указала я на кремовый дом.

– Ты шутишь? – Макс уставился на дом. – Ты собираешься жить *здесь*? Одна?

– В студии на третьем этаже, – ответила я, поправляя свой рюкзак. – Тут миленько, правда?

– Миленько? – изумился Макс. – Это дом с регулируемой платой?

– Опять эта фраза. Будешь смеяться или плакать?

– Плакать, – процедил он сквозь зубы. – Перед тобой единорог, поедающий четырехлистный клевер и какающий радужными какашками в форме беспроигрышных лотерейных билетов.

Я рассмеялась.

– Ну, это всего на полгода, а потом мне придется вернуть его и найти новое место.

– Отстой, – посочувствовал Макс. – После этого подobia Шангри-Ла ты будешь потрясена тем, как плебеи вроде нас добиваются успеха в Сан-Франциско.

– Ничего сложного. Я просто перееду к тебе.

Он засмеялся.

– Возможно. Но я могу переехать через несколько месяцев. Или раньше.

Меня аж перекосило от его слов.

– Что? Не-е-ет! Не говори так. Ты мне слишком уж сильно нравишься.

– Это не точно, но, вероятно, меня переведут на другую работу в Сиэтле. – Макс улыбнулся с теплотой в глазах. – Ты мне тоже понравилась. Не думаю, что когда-либо заводил друзей быстрее.

– Не люблю тратить время впустую, – я широко улыбнулась. – Хочешь зайти и посмотреть на единорогов?

– Чтобы завидовать еще больше? Как-нибудь в другой раз. Хотя... – Макс достал телефон из заднего кармана джинсов и проверил время. – Черт, мне надо бежать. Смена начинается через двадцать минут. Но я помогу тебе занести вещи.

– Нет, сама справлюсь. – Я сняла сумку с его плеча и поставила ее на тротуар.

– Уверена?

– Дружище, я же несу свой вес.

– Ну ладно. – Макс протянул мне руку. – Рад познакомиться, Дарлин.

Усмехнувшись протянутой руке, я накинулась на него с объятиями. Его руки обвились вокруг меня, и я ощутила, как широкая грудь затряслась от смеха.

– М-м-м, пахнешь автобусом.

– Парфюм «Грейхаунд».

Он отстранился с улыбкой на губах.

– Увидимся в пятницу вечером. Улица Бьюкенен, комната четырнадцать. Ровно в девять часов.

– В пятницу вечером? – Я прикусила губу.

– Разочарована? – спросил Макс, выставив руку вперед, и попятился спиной в сторону остановки. – Поплачь об этом в своем пентхаусе с регулируемой арендной платой.

Я рассмеялась, с ворчанием закинула армейскую сумку на плечо и пошла к дому. Он был действительно прекрасен и в идеальном состоянии. Повернув ключ в замке, я шагнула в крошечный холл.

Я не являлась архитектором, но с уверенностью могла сказать, что этот дом когда-то был самым настоящим *домом*, а теперь поделен на небольшие квартиры. Заглянув за стену, которую не поставил бы ни один здравомыслящий домовладелец даже в подъезде, я увидела крошечную прачечную с одной стиральной машинкой и сушилкой. На другой стороне коридора находилась дверь с цифрой один. Ее порог украшали комнатное растение в горшке и яркий приветственный коврик.

За ней слабо слышалась испанская музыка и детский смех.

Я втащила свою огромную сумку по лестничному пролету на неудобную площадку: тоже новая конструкция, отделяющая второй этаж. Дверь на этаже значилась под вторым номером и не имела ни приветственного коврика, ни растений, ни какого-либо декора. И никаких звуков по ту сторону.

Поднявшись еще на один этаж, я заметила, что потолок стал ниже, скошенный под углом, а дверь под номером три вела в крошечную студию. Кровать, стол, стул, кухня и ванная комната без единого намека на чье-то присутствие. Мой друг из Нью-Йорка, который и помог мне с этой субарендой, сказал, что владелица – девушка по имени Рэйчел, работающая в «Гринпис» – убрала все из квартиры, кроме простыней, полотенец, кастрюль и сковородок. Но это место казалось идеальным вариантом, да и многого мне не нужно.

Легкая улыбка тронула мои губы, когда захлопнулась дверь. Я направилась к окну, где пришлось чуть пригнуться из-за низкого потолка. От великолепного вида у меня перехватило дыхание. Ряды домов выстроились дальше по холму, а за ними расстился город. Это был совершенно другой город, нежели Нью-Йорк. Более тихий, с красочными старинными зданиями, холмами, зеленью парков, укутанных в синеву залива.

Я втянула воздух и немного задержала дыхание.

– Я справлюсь.

Но после трехдневной дороги в автобусе я была слишком уставшей и подавленной, чтобы думать о покорении нового города. Так что, повернувшись к кровати, рухнула на нее лицом вниз.

Сон сразу же овладел мной, и в разрозненные мысли ворвалась музыка.

Я танцевала.

Ты согласен?..

Ты с-с-согласен?..

Постель пахла стиральным порошком и человеком, который жил здесь до меня. Незнакомцем.

Скоро она будет пахнуть мной.

Ты согласен, согласен, согласен?..

– Пока нет, – прошептала я и провалилась в глубокий сон.

Глава 2

Соьер

Тишину во второй аудитории в юридической школе Гастингса прерывали лишь шелест переворачиваемых страниц и щелчки клавиатуры. Студенты сидели в мягких креслах, забаррикадировавшись в наушниках за ноутбуками.

Мои партнеры по учебе – Бет, Эндрю и Сана – сидели на диванах и стульях в кругу, склонившись над своей работой, и за все время не прозвучало ни единой шутки или остроумного замечания. Я скучал по Джексону, но у этого ублюдка хватило наглости закончить учебу на целую четверть раньше меня.

Неумолимый свет флуоресцентных ламп слепил мои и так уставшие глаза, отчего текст на страницах передо мной расплывался. Я моргнул, сосредоточившись, и постарался мысленно сфотографировать абзац из Семейного кодекса Калифорнии. Сохранив это изображение в памяти, я взял ручку и записал увиденное своими словами. Для закрепления.

Закончив делать записи, я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

– Эй, Хаас, – позвал Эндрю миллисекунду спустя. Я даже расслышал нотки самодовольства в его словах. – Собираешься спать весь оставшийся час?

– С удовольствием, если ты заткнешься, – пробурчал я, даже не открыв глаз.

Он хмыкнул, засопев, но больше не произнес ни слова. Джексон выдал бы остроумный комментарий, а после началась бы шуточная словесная баталия, пока кто-то не проиграет в этом нелепом соревновании. Но Эндрю не Джексон.

– Этот экзамен по семейному праву меня доконает, – заворчал Эндрю. – Спросите меня что-нибудь.

– Статья 7602? – задала вопрос Бет.

– Эм-м... Блин. – Я услышал, как ручка ударилась о стол. – Где-то здесь...

Я улыбнулся про себя. Основным профилем у меня было уголовное судопроизводство, но после «Злодейской» вечеринки десять месяцев назад семейное право стало моей неофициальной специализацией.

Мысленно пролистав кодекс до статьи 7602, я процитировал наизусть:

– «Родители имеют равные права и несут равные обязанности на каждого отдельно взятого ребенка, независимо от семейного положения».

Тишина. Я приоткрыл один глаз.

– Извини, но это моя любимая.

– Ну еще бы, – Эндрю фыркнул и взял ноутбук. – Ладно, давай посмотрим, что еще ты знаешь, Хаас.

Остальные с интересом наклонились вперед. Моя способность к запоминанию была выдающейся. Практически все отпечатывалось в мысленной фотолаборатории в моей голове: имена, лица, воспоминания многолетней давности вплоть до мельчайших подробностей, даже целые страницы текста, если прочесть их достаточное количество раз. Не знаю, откуда взялась фотографическая память, но слава богу, что она у меня появилась, иначе я не протянул бы эти последние десять месяцев. Не с тремя-четырьмя часами сна каждую ночь.

– Какая еще статья применима к 7603? – самодовольно спросил Эндрю. Он был типичным говнюком, который явно легче переживал стресс, вызванный обучением на юридическом факультете, если ему удавалось поставить меня в тупик. Но я никогда не давал ему такого шанса.

– Статья 3140, – ответил я. Кстати, я тоже своего рода говнюк.

– В 7604 суд может вынести постановление об упрощенном получении разрешения на опеку или посещения, если?..

– Отношения между родителями и детьми не противоречат разделу 7540, а постановление отвечает всем интересам ребенка.

– Зачем ты вообще сюда приходишь? – проворчал Эндрю и захлопнул макбук.

– Чтобы отвечать на твои вопросы.

Девушки захихикали, а Эндрю покачал головой, пробормотав себе под нос:

– Высокомерный придурок.

– В любом случае, ты тратишь время впустую, – сказала ему Сана и подмигнула мне с понимающей улыбкой. – Память Сойлера безупречна. Уверена, он может продолжать не один день.

От меня не ускользнул скрытый подтекст в ее последней фразе и приглашение во взгляде. Тело моментально отреагировало теплом, умоляя меня пересмотреть свой негласный обет. Сана – красивая и умная девушка, она пополнила нашу группу, когда Джексон и еще один друг закончили учебу в прошлом семестре. Но, увы, я бы ответил ей то же, что она сказала Эндрю. Она зря тратила свое время. Мои дни близости со случайными женщинами сочтены с большой буквы «С».

Бет не пропустила одобрительную улыбку, брошенную Саной в мой адрес, и закатила глаза.

– Следовало назвать эту группу «Подростковая депрессия», – она посмотрела на свои часы. – Ну все. Пора идти.

Мы быстренько собрали вещи, запахнув тетради и ноутбуки в сумки, и выбросили пустые стаканчики из-под кофе. Я покинул аудиторию следом за своей группой. Бет была права. Даже в моем воображении эти люди не были мне друзьями. У меня их практически не осталось; но я посмотрел на Бет с ее строгой прической и на Эндрю в рубашке, застегнутой на все пуговицы, и попытался представить их хотя бы на одной из наших грандиозных вечеринок злодеев. Я попробовал представить *себя* на любой другой «злодейской» вечеринке и не смог.

– Чем-то воняет, Хаас? – спросил Эндрю.

– Нет, – ответил я, щурясь от яркого июньского солнца. – Вспоминаю одну древнюю историю.

– Ты, вероятно, и классику помнишь наизусть. Вытащишь «Одиссею» из своей стальной ловушки?

Я ощутил на себе его пристальный взгляд.

– «О, муза, скажи мне о том хитроумном герое, который, странствовал долго с тех пор...» Похоже на тебя, Энди.

– Заткнись. И не называй меня Энди.

Сана спрятала улыбку за воротником пальто.

– Увидимся в понедельник, – сказала она остальным, после чего остановилась рядом со мной. – Ты так жесток с бедным Эндрю.

Я пожал плечами.

– Никогда не встречал парня, который не заинтересован в сокрытии своих недостатков.

– Это просто зависть. Он изо всех сил старается разобраться во всем, а тебе это дается так легко.

Я бы даже посмеялся над ее словами, если бы не чертовская усталость.

– И так. – Сана перекинула шелковистые черные волосы через плечо. – Какие планы на выходные? У меня есть лишний билет на завтрашний концерт The Revivalists в Уорфилде.

Мне пришли в голову парочка мягких оправданий, но я слишком устал, чтобы нести чушь.

– Я пас. Никаких развлекательных мероприятий до окончания школы и сдачи адвокатского экзамена.

– Звучит не круто.

Я пожал плечами и попытался улыбнуться.

– В любом случае, спасибо за приглашение.

– Ладно, – сказала она с улыбкой, которая с трудом скрывала разочарование. – Тогда увидимся в понедельник.

– Да.

Я наблюдал за тем, как она уходит, и меня охватила жуткая усталость.

Иногда такое происходило, словно кулаком в живот ударили. Бессонные ночи и недосыпание, стресс и тревожность – все это накрывало меня с головой. Никакого пива с парнями. Никаких свиданий с горячими однокурсницами. Ни секса, ни вечеринок...

– Смирись, Хаас, – пробормотал я в воздух и направился в сторону дома. – Ты сам на это подписался.

На станции «Сивик-Сентрал» я пересел на линию J до Дюбус Траянгл и откинулся на спинку сиденья. Час пик еще не настал, и поезд был практически пуст. Пятница – единственный день недели, когда у меня нет вечерних занятий и я освобождаюсь пораньше. В этот день я обычно прихожу домой к четырем часам, а не в пять или шесть.

Стук колес подо мной убаюкивал, а глаза закрывались. Семейный кодекс словно проецировался на заднюю поверхность века – неприятный побочный эффект эйдетической памяти. Чем больше я что-то запоминаю, тем больше шансов, что это останется со мной навсегда.

...если один из родителей оставляет ребенка на попечении другого лица более чем на год без предоставления ему содержания или без коммуникации, то следует рассматривать это дело как отказ от ребенка...

Эти слова я никогда не забуду, и убаюкивающее движение поезда вернуло меня в август прошлого года. Древняя история. Тогда я еще не устал. Пока нет.

Обшарпанное здание с вывеской Департамента по делам семьи и детей возвышалось на другой стороне улицы. Небо было затянуто облаками, холодный ветер пронизывал меня до костей, пока я крепче прижимал сверток к себе. Казалось, что лето закончилось, и зима вот-вот должна вступить в свои права.

– Скажи мне еще раз, что произойдет, когда я отдам ее? – спросил я.

Джэксон искоса посмотрел на меня.

– Они попытаются разыскать Молли.

– Я пробовал. Безуспешно.

– Тогда ребенок попадет в приемную семью.

– В приемную семью...

Я опустил взгляд на спящего младенца в своих руках, укутанного в одеяло. Мои руки устали. Оливия была крошечной, но держать ее весь путь на поезде, а потом нести три квартала на руках оказалось тяжелее, чем любая тренировка в спортзале Гастингса. Я бы взял «Убер», но у меня не было автокресла.

У меня ничего не было.

– Это лучший вариант, – в сотый раз повторил Джексон за прошедшие шесть дней после вечеринки.

– Ага, – буркнул я. – Лучший.

Он одарил меня тусклой, сочувствующей версией своей ослепительной улыбки.

– Пошли давай. Зеленый свет.

Он подтолкнул меня рукой, но я не сдвинулся с места. Ноги словно приклеились к земле.

Я окинул взглядом оживленную городскую улицу. Ветер завывал между цементных зданий, которые возвышались над нами: холодные, ровные и серые. Я попытался представить, как захожу в Департамент и передаю ребенка какому-то незнакомцу. Это было бы так просто. Она уже несла на себе тяжелый груз прожитых лет, и все, что мне нужно было сделать, это отдать ее и уйти.

Но Оливия прильнула к моим рукам, ко мне.

– Я не могу.

Улыбка на лице друга стала жесткой, а затем и вовсе исчезла.

– Господи, Соьер.

– Молли доверила ее мне, Джекс. Оливия моя.

Он стоял, уставившись на меня. Потом покачал головой и развернулся на углу улицы, раскинув руки.

– Я знал это! Дайте мне приз, друзья, я, черт побери, знал это!

Остановившись, он повернулся лицом ко мне.

– Я знал это шесть дней назад. После вечеринки. Все ушли, а ты сидел на диване среди пивных банок и пластиковых стаканов и кормил ее из бутылочки, будто в этом мире больше никого нет. Так что ты собираешься делать? Воспитывать ее? Ты собираешься вырастить ребенка, Соьер?

– Я не знаю, что делаю, Джексон, – ответил я. – Но это кажется неправильным. Находиться здесь чертовски неправильно.

Джексон сжал губы.

– Ты оставишь ее? Как? На какие деньги?

– Моя стипендия...

– Ее хватает только на оплату учебы и аренды за квартиру, – закончил за меня Джексон. – Ее недостаточно для заботы о ребенке. А это дерьмо стоит дорого.

– Я разберусь с этим. Найду работу.

– Ты собираешься испоганить свою жизнь. Ради чего?

– Ради чего? Ради нее, – огрызнулся я, указав на ребенка.

– Она не...

– Заткнись, Джекс, – жестко ответил я. – Молли бросила ее, а через год и суд это докажет. Я все проверил. Я смогу вписать свое имя в ее свидетельство о рождении. Молли должна была это сделать, но через год это не будет иметь никакого значения.

Джексон не отрывал от меня взгляда.

– Ты должен закончить учебу, Соьер, сдать экзамен – с первого раза – иначе что случится с твоей работой на судью Миллера? Можешь попроситься с ней. Ты потеряешь шанс на эту должность и на все, ради чего столько трудился.

Я скрипнул зубами. Он и в этом был прав. Я так четко и конкретно расписал каждую ступень своей жизни. Закончить Гастингс, сдать экзамен, получить должность помощника у судьи Миллера, начать карьеру в уголовном отделе и, возможно, баллотироваться на пост окружного прокурора. Кто знал, где я мог оказаться дальше? Я взглянул на Оливию, осознав, насколько сильно мне всего этого хотелось.

Но я хотел и быть рядом с ней.

Более того, все мои поставленные цели будут разбиты в пух и прах, если тайна ее жизни будет преследовать меня на каждом шагу.

Джэксон прочел все это в моих глазах. И провел рукой по своим коротко стриженным волосам.

– Соьер, я люблю тебя и понимаю, почему ты считаешь это правильным выбором. Но каким бы тяжелым тебе все это ни казалось... Будет в миллион раз сложнее.

– Я знаю.

– Нет, ты думаешь, что знаешь. Моей матери приходилось работать на трех работах, по одной на каждого ребенка. Три работы, чтобы прокормить семью и обеспечить крышу над головой, не говоря уже о какой-то там юридической школе.

– Но она сделала это, и сейчас ее младший сын оканчивает юридический, – ответил я. – Она гордится тобой. Мне хотелось бы думать, что и моя мама гордилась бы мной.

– Определенно, чувак, – тихо согласился он. – Уверен в этом.

Я стиснул зубы, чтобы хоть как-то заглушить старую боль, запертую глубоко внутри. Пьяный водитель убил мою мать, когда мне было восемь. Если бы мне платили каждый раз, когда я думал, что она гордилась бы мной, этого хватило бы, чтобы покрыть обучение в Гастингсе.

Джэксон вздохнул и покачал головой.

– Не знаю, с чего начать.

– Оливия моя, – сообщил я. – Это все, что я знаю. И на мне лежит ответственность за нее.

Выражение лица Джэксона немного смягчилось, и слабая улыбка тронула уголки его губ.

– Должно быть, я оказался в Зазеркалье.

– Я с тобой. – С души словно свалился тяжелый камень, и волна незнакомых, сильных эмоций буквально поглотила меня.

Моя дочь.

– Так ты собираешься мне помогать или как? – хрипло спросил я. – Кое-кто только что рассказывал мне о тяжелой доле родителя-одиночки.

– Опять твоя исключительная память, – улыбнулся Джэксон, но улыбка быстро сошла на нет. – Тебе придется съехать, ты же понимаешь, да? Ребята не собираются вступать в сообщество «Трое мужчин и младенец». Кевин уже паникует, что мы теряем репутацию.

– Я найду новое жилье.

Джэксон еще несколько мгновений смотрел на меня, затем, выдохнув, рассмеялся. Он снял детскую сумку с моего плеча и перекинул ее через свое.

– Господи, какая тяжелая. Ты сумасшедший сукин сын.

– Спасибо, Джэкс, – я вздохнул с облегчением.

– Да-да, только не звони мне в два часа ночи, спрашивая про коклюш или... как его там? Родничок?

Я рассмеялся, но порыв холодного ветра Сан-Франциско унес мой смех прочь.

Поправив ребенка, я сильнее прижал ее к себе.

– Пойдем домой.

Я проснулся от того, что подбородок коснулся груди. Поезд как раз со свистом остановился на станции «Дюбус». Перекинув сумку через плечо, я вышел и прошел полтора квартала до своего кремового дома в викторианском стиле, в котором снимал квартиру на втором этаже.

Когда я проходил мимо двери на первом этаже, где жила Елена Мелендез, слегка улыбнулся и потащил свою уставшую задницу на второй этаж. Попав в квартиру, я снял куртку и повесил ее на вешалку, рядом бросил сумку. Свернул налево, прямо на кухню, чтобы заварить свежий кофе, а потом направился в гостиную, к своему столу у окна. На часах было 16:42. Технически у меня оставалось целых восемнадцать минут в запасе для себя.

Я откинулся в кресле и закрыл глаза... а затем сразу же открыл.

Мне не нужны были эти минуты, я хотел получить свою девочку назад.

Поэтому спустился вниз, перепрыгивая через две ступеньки, и постучал в первую квартиру. Гектор, пятилетний сын Елены, открыл дверь.

– Привет, Гектор. Можешь сказать маме, что я пришел?

Он кивнул своей темноволосой головой и убежал. Из открытой двери послышался голос:

– Соьер? Входи, *querido*⁴. Она готова.

Я вошел в квартиру Елены, где пахло теплом, специями и стиральным порошком. Подомашнему. Она была немного загроможденной, но довольно чистой. Здесь жила семья. Елена – пухлая сорокапятiletняя женщина с густыми темными волосами, заплетенными в косу, и большими добрыми глазами – наклонилась и достала Оливию из манежа.

Маленькое личико Оливии засветилось, когда она увидела меня, и я улыбнулся, словно одурманенный. Ее голубые глаза были невероятно яркими и ясными, а распущенные кудряшки обрамляли пухлые щечки тринадцатимесячного ребенка.

Она потянулась ко мне.

– Папочка!

Ни «па» или «па-па» – папочка. Все слоги. Мое глупое сердце растаяло.

Елена передала ее с мягкой улыбкой, и Оливия сразу же обхватила меня своими маленькими ручками за шею.

– У нее был хороший день. Съела весь свой горошек.

– Правда? Ты была хорошей девочкой? – Я поцеловал Оливию в щечку и полез в карман за бумажником. Она ухватилась за него, и мне пришлось отдать его ей, перед этим вытащив чек.

– Спасибо, Елена.

– С удовольствием, Соьер, – ответила она, убирая в карман оплату за неделю. Протянув руку, погладила маленькое запястье Оливии. – Увидимся в понедельник, малышка.

Я вынул кошелек из рук дочки – и рта – и подхватил сумку с подгузниками.

– Скажи пока-пока.

– Пока-пока, – повторила Оливия.

Елена прижала руки к груди в районе сердца.

– Уже такая умная. Прямо как ее папочка.

Я улыбнулся.

– Давай, Ливви. Пойдем домой.

⁴ Дорогой (*исп.*).

Глава 3

Дарлин

Проклятый будильник сработал в половине шестого утра. Я вылезла из теплой постели, поставила вариться кофе на маленькой кухоньке, а потом зависла, закрыв глаза, под теплыми струями душа в крошечной ванной комнате. Еще никогда в жизни мне не приходилось так рано вставать, но друг из Нью-Йорка потянул за миллион ниточек, чтобы пристроить меня в шикарный спа-салон в дорогом районе города. Зарплата стоила того, что просыпаться каждое утро, но *боже ты мой*.

– Так вот что значит быть ответственной? – проворчала я, второй раз выронив бутылку с шампунем.

После душа, завернувшись в полотенце и обернув другое вокруг головы наподобие тюрбана, я потягивала кофе на кухне, удивляясь, что за окном еще не рассвело.

«Быть ответственной, – решила я, – полный отстой».

Спустя некоторое время утренняя сонливость ушла, оставив после себя удивительное чувство бодрости.

Я встретила рассвет моей новой жизни, и мне все равно, насколько глупо это прозвучало. Прекрасное чувство.

Я надела бежевую юбку, мужскую рубашку на пуговицах, натянула темно-бордовые гольфы до бедра и черные армейские ботинки. Перед зеркалом в ванной нанесла темные тени и густо обвела голубые глаза черным карандашом, в уши вставила золотые серьги-кольца и собрала длинные каштановые волосы в хвост. Я все еще выглядела, как типичная жительница Нью-Йорка.

И не могла решить, хорошо это или плохо.

Уже на улице я натянула свой любимый «бабушкин» свитер и взвалила на плечи фиолетовый рюкзак. Солнце наконец-то взошло, почти физически ощущалось начало дня. Улицы были тихими. Сонными.

Приложение на телефоне подсказало, что мне нужна линия J, чтобы добраться до станции «Эмбаркадеро». Спустя двадцать минут я оказалась в районе кондоминиумов, современных лофтов и магазинов с видом на залив. Согласно моей карте, пристань и другие туристические развлечения находились, так сказать, за углом, – еще в десяти минутах езды на поезде. Этот район показался мне слишком тихим, и я задумалась: а будет ли у меня достаточно клиентов, чтобы держаться на плаву, или придется искать вторую работу.

«Но, если ты устроишься на вторую работу, у тебя совсем не останется времени на танцы».

И я снова не могла решить, хорошо это или плохо.

Но, как оказалось, беспокоиться мне не о чем. Спа-салон «Серенити⁵» со сверкающей витриной поражал красотой, от него буквально разило богатством, и даже в такую рань он был переполнен клиентами.

Моя начальница, Уитни Селлерс, выглядела лет на тридцать пять с волосами, покрашенными в клубничный блонд, и строгими голубыми глазами. Нахмутив брови, она оглядела меня с головы до пят.

– *Дарлин*, верно? – сказала она, как будто мое имя пришлось ей не по вкусу.

Я кивнула.

– Да, здравствуйте. Приятно познакомиться.

Она протянула мне руку для короткого и довольно жесткого пожатия.

– Я бы не стала на твоём месте сильно привязываться к этому месту, – сообщила она. – Слишком высокая текучка кадров. Я сыта по горло увольнениями и наймами каждую неделю. Ты начинаешь через десять минут, и тебе нужна форма. – Она оценила мой наряд. – Ужасно.

Мне выдали белые фланелевые штаны и мягкую белую рубашку с короткими рукавами. Я переделалась в уборной для сотрудников и взглянула на себя в зеркало.

– Выгляжу как медсестра, – пожаловалась я Уитни, когда вышла к ней.

– В этом и смысл. Теперь ты работаешь в сфере здравоохранения и делаешь лечебный массаж ради оздоровления наших клиентов. – Она снова изогнула бровь. Казалось, что здесь говорили бровями. – Понятно? Все. Иди. Первый клиент уже ждет.

Мне потребовалось всего три минуты, чтобы понять, что атмосфера безмятежности здесь предназначена только для клиентов. Для места, пропитанного роскошью и умиротворением, сотрудники выглядели напряженными до предела.

– Тебе нравится здесь работать? – спросила я одну из своих коллег в комнате отдыха, когда закончила с первым клиентом. Девушка посмотрела на меня странным взглядом.

– Ты, должно быть, новенькая, – ответила она, потирая плечо. – Это как замешивать тесто часами напролет. Но где еще ты сможешь столько зарабатывать в час?

«*Продавая дурь на тусовках*», – вспомнила свой печальный опыт я, но не сказала этого вслух.

Этот спа-салон стал изысканным дополнением к моей новой жизни, и я поклялась себе никогда не возвращаться к старому. Я собиралась сохранить себя такой же чистой и нетронутой, как моя новая униформа. Но уже к концу смены мои руки словно весили по сто фунтов каждая, а плечи вопили от боли.

– Мне просто нужно привыкнуть, – бормотала я себе под нос на улице. Это как новая танцевальная программа. Сперва все тело ноет от бесконечных повторений одних и тех же движений, а затем ты приспосабливаешься. Нет, даже больше. Ты побеждаешь.

Раздался лязг канатной дороги, и я увидела парусник, медленно проплывающий по заливу. Улыбка расползлась по моим губам.

– Я сегодня хорошо поработала.

И тут мой взгляд упал на ближайший ко мне столб, увешанный объявлениями и листовками: кто-то предлагал уроки игры на гитаре, кто-то разыскивал пропавшую кошку... и тут же висела реклама независимой труппы современных танцев, которая через несколько недель устраивала представление в театре в районе Мишн. Они проводили прослушивание. Всего одно место. Девушка-танцовщица для шоу.

Я прикусила губу. Канатная дорога сворачивала за угол, направляясь в противоположную сторону от той, куда было нужно мне. Но сегодня я ощущала себя достаточно храброй, чтобы запрыгнуть в фуникулер, не боясь потеряться в городе.

⁵ В пер. с англ. – безмятежность, спокойствие, умиротворение.

Вагончик остановился, и я пошла к нему. Проходя мимо столба, рука сама собой потянулась к объявлению с заветным телефонным номером. Я сунула клочок бумаги в карман и отправилась в неизвестном направлении.

После целого вечера, проведенного на Пирсе 39, где я занималась всеми туристическими делишками и наслаждалась шоколадными конфетами с площади Жирарделли, празднуя новую себя, я наконец возвращалась домой, перемещаясь на автобусах и поездах.

Дюбус-стрит утопала в последних золотистых лучах, а красивые дома, окруженные деревьями и цветами, выглядели поистине идеально. Как на почтовой открытке. Я улыбнулась и достала телефон, чтобы сфотографировать кремовый дом в викторианском стиле.

«**Я живу здесь!**» – набрала сообщение Карле, своей сестре, и прикрепила изображение. Никакого ответа.

Я сказала себе, что она занята семейными хлопотами или ужинает. В конце концов, в Нью-Йорке было уже семь часов вечера.

На первом этаже раздавались чьи-то голоса. Дверь в первую квартиру была распахнута, на пороге стояла латиноамериканка средних лет и разговаривала с молодым человеком примерно моего возраста. Одной рукой он укачивал малыша, а в другой держал портфель, на его плече висела сумка – вероятно, с детскими вещами. У него были короткие темно-русые волосы с мягкими, непослушными кудрями, пронзительные карие глаза, обрамленные длинными ресницами, квадратная челюсть и пухлые губы, которые в данный момент были плотно сжаты.

Я могла бы продолжать мысленно оценивать его внешность в течение нескольких дней, но буквально за секунду мой мозг быстро суммировал все черты его лица и пришел к окончательному выводу, что этот парень был чертовски великолепен.

«*Серьезно? Только не говорите, что мистер Мамочка – мой сосед*».

Они замолчали, как только заметили меня. На лице женщины расплылась теплая, приветственная улыбка. Парень же уставился на меня со смесью тревоги и презрения.

– Вы кто? – грубо спросил он, поправляя сумку на плече и уstraивая девочку на своих руках. Шесть футов сексуальности в помятом костюме с подозрением смотрели на меня.

Женщина еле заметно шлепнула его по руке.

– Сойер, будь хорошим мальчиком.

– Я... я ваша новая соседка? – это прозвучало, скорее, как вопрос, будто мне требовалось разрешение от этого парня на проживание здесь. Я резко выпрямилась. – Я Дарлин. Недавно сюда переехала. Я танцую. Ну, танцевала. Пришлось взять небольшой перерыв, но собираюсь скоро вернуться к этому... что-то типа того, – и выдала свою самую дружелюбную улыбку. – Сейчас я работаю массажисткой. Совсем недавно получила сертификат и...

Мой словесный поток иссяк под испепеляющим взглядом Сойера.

– Танцовщица. Фантастика, – с горечью сказал он. – Всегда мечтал о том, чтобы надо мной постоянно кто-то стучал и прыгал, будил ребенка и отвлекал меня от учебы.

Я уперла руки в бока.

– Моя квартира слишком маленькая для танцев, и к тому же...

Я снова потеряла дар речи, заметив, как острые скулы и резкие черты лица Сойера разгладились, когда его дочь – полагаю, ей было около года – хлопнула своей маленькой ладошкой по его подбородку. Взгляд Сойера смягчился, на лице появилась улыбка – прекрасная улыбка,

которую он приберегал только для этой малышки, и наполненная любовью такой силы, что на мгновение мне стало трудно дышать.

– Очень рады познакомиться с тобой, Дарлин, – вмешалась женщина. – Я Елена Мелендез. Это Сойер, а его ангелочка зовут Оливия. Они живут наверху.

– Я тоже, – ответила с легкой усмешкой я. – На третьем этаже, имею в виду. Очевидно, – добавила с тихим смешком. – В студии.

– Снимаешь у Рэйчел, да? – Елена улыбнулась. – Она милая девушка.

– И *тихая*, – добавил Сойер, заработав очередной толчок от Елены.

– Да. Сняла на полгода, пока Рэйчел в поездке с «Гринпис».

– Добро пожаловать.

Сойер убрал маленькую ладошку от своей щеки и поцеловал девочку, а затем, пробурчав что-то неразборчивое себе под нос, прошел мимо меня и направился к лестнице. Я почувствовала приятный аромат парфюма и детской присыпки, и меня поразило странное ощущение. Словно в каждой молекуле моего тела проснулась неведомая для меня сексуальная и материнская энергия, вспыхнув в ответ на мужественность Сойера и детскую непосредственность Оливии.

«О мой бог, охлади пыл, девочка. Скорее всего, он женат и, без сомнения, говнюк».

Но не его дочь. Через плечо Оливия наблюдала за мной и улыбалась. Я помахала ей рукой. Она помахала в ответ.

– Он славный парень, – сообщила Елена со вздохом, наблюдая, как Сойер скрывается за углом.

– Поверю на слово. – Я выдохнула с облегчением, когда он унес с собой странное витающее в воздухе напряжение и целый арсенал сильнодействующих феромонов. – Его взгляд может шлифовать алмазы. А вот его дочь милашка. Сколько ей?

– Тринадцать месяцев. Я нянчусь с ней с младенчества и наслаждаюсь каждой секундой. И делала бы это бесплатно, но Сойер настаивает на «полной оплате». – Женщина, наклонившись ко мне, заговорщически прошептала: – Но он не знает, что я занизила свою ставку. Я с радостью помогаю ему. Он так много работает. День и ночь.

– Чем он занимается?

– Учится на адвоката, – сказала она с гордостью. – Почти закончил.

– Эм, а что делает мама Оливии? – спросила я, шаркнув своим ботинком по тонкому ковровому покрытию.

«Умоляю, скажите мне, что она счастлива в браке».

– Я ее никогда не видела.

– О? Это... плохо.

– Сойер никогда не упоминал о ней, а я и не спрашивала. Думаю, если захочет, сам расскажет, но пока он молчит. Как партизан. У парня золотое сердце, но он такой серьезный, все время напряжен. Я беспокоюсь за него. – Она тепло улыбнулась. – Я всегда говорю ему, что его красивое лицо создано для улыбок, но он бережет их для Ливви.

– Я заметила.

Елена погладила меня по руке.

– А ты чем занимаешься, Дарлин? Говоришь, ты массажистка?

– Да, сегодня начала.

– Разве это не удивительно... – Улыбка ее стала шире, а взгляд метнулся вверх, на небеса или к квартире Сойера. – *Dios trabaja de maneras misteriosas*⁶.

– О чем это вы?

– Да так. Расскажу когда-нибудь.

⁶ Пути господни неисповедимы (*исп.*).

Маленькая темноволосая девочка с большими глазами выглянула из-за бедра Елены.

– Это Лаура. Ей два года, еще у меня есть сын, Гектор, ему пять. Мой муж работает допоздна, но когда-нибудь вы познакомитесь.

Я улыбнулась и помахала девочке рукой.

– Да у вас действительно полно хлопот.

– Так и есть, – ответила Елена, – иначе я бы пригласила тебя в дом, как настоящая хозяйка, и приготовила бы ужин. Но мне надо купать этих двоих.

– Очень мило с вашей стороны. Может, в другой раз? – спросила я с надеждой в голосе. Елена показалась мне моделью идеальной матери, и меня захлестнула волна тоски по дому с примесью одиночества. Мне внезапно захотелось сесть на ее диван, положить голову ей на плечо и выплеснуть всю накопившуюся внутри боль.

«Ты ведешь себя нелепо. Никто ничего не должен знать. Не в новой жизни».

– Кстати об ужине, – спохватилась я, – мне пора идти. С момента переезда я, кроме предметов первой необходимости, кофе и тампонов, ничего так и не купила. – Где здесь ближайший магазин?

– В округе есть Safeway и Whole Foods. Вниз по четырнадцатой улице.

– Идеально, спасибо большое, Елена.

– Обращайся, *querida*. Я рада, что ты здесь, и надеюсь, в скором времени и Соьер почувствует то же самое.

Я моргнула и рассмеялась.

– Уверена, что он и не вспомнит обо мне. В Нью-Йорке можно по несколько месяцев не встречаться со своими соседями по многоквартирному дому.

– Но это не многоквартирный дом, так ведь? Это маленький, уютный дом. Домик. – Тепло улыбнулась Елена. – Вот увидишь.

Глава 4

Дарлин

Вернувшись к себе в квартиру, я переоделась в штаны для йоги и черный танцевальный боди. Я решила, что самый лучший способ избежать боли в мышцах от работы – это каждый вечер делать растяжку.

Устроившись на полу своей маленькой гостиной, между диваном и телевизором, я начала делать упражнения, но далеко не продвинулась. Не прошло и пары минут, как я поняла, что очень голодна, а полки были пусты. Накинув серый свитер и ботинки, я схватила фиолетовый рюкзак и отправилась на улицу.

На втором этаже я замешкалась. Не нужно ли Союеру что-нибудь? Должно быть, не легкое это дело – ходить по магазинам с младенцем на руках.

Я подняла руку, чтобы постучать, и мысленно повторила свою клятву: не иметь никаких дел с мужчинами. Не стоит лишний раз истязать себя.

«Или ты поведешь себя, как взрослая, всегда готовая помочь женщина. Обычно так и поступают соседи».

Я осторожно постучала в дверь, но никто не ответил.

– Ну и ладно. Я хотя бы попыталась.

Развернувшись на пятках, торопливо спустилась вниз.

Солнце почти скрылось за горизонтом, заливая улицы золотистым светом, а воздух казался теплее, чем я ожидала. Перед самым отъездом из Нью-Йорка Бекс поведал мне одну очень известную поговорку о городе: самая холодная зима на свете – это лето в Сан-Франциско. Но сейчас была середина июня, и не наблюдалось ни единого намека на холодный ветер, о котором меня предупреждали. Я добавила эту теплую ночь к моему мысленному списку всего хорошего в этом городе. Сущая мелочь; но если хоть на секунду позволить себе задуматься о Бекетте, Зельде или о своей семье, одиночество просочилось бы сквозь меня. И стало бы совсем плохо, потому что в такие моменты я была склонна творить глупости.

«С этим дерьмом покончено, – сказала я сама себе. – Я абсолютно другой человек».

Весь оставшийся путь я постаралась сосредоточиться на городе. Мой квартал с викторианскими постройками быстро уступил место торговым башням и магазинам на Маркет-стрит, которая, как я поняла, являлась главной артерией города. Whole Foods взывала к моему желанию о здоровом и правильном питании, а Safeways – к скудному банковскому счету. Но, осмотрев продуктовые ряды с корзиной в руках, я решила поискать бакалейную лавку. Супермаркеты в Сан-Франциско, как и все остальное, было чертовски дорогим.

Я обогнула стеллаж и задела своей корзиной нового соседа, Союера.

– Ты, – прошептала я, пытаюсь вернуть контроль над разумом, который буквально парализовало при виде его.

Он сменил костюм на джинсы, толстовку с капюшоном, надетую поверх зеленой футболки, и бейсболку. Оливия сидела в детской коляске, а корзина под ней была заполнена свежими фруктами и овощами.

С такого близкого расстояния Сойер показался мне еще более привлекательным, но уставшим. Очень, очень уставшим.

– О, – ответил он, – привет.

– Кажется, нас не представили друг другу должным образом, – я протянула руку. – Дарлин Монтгомери. Твоя новая соседка сверху, которая *не* собирается, как ты там сказал? Скакать и прыгать посреди ночи?

– Прыгать и стучать, – ответил он без намека на улыбку, быстро пожав мне руку. – Сойер Хаас.

На мгновение я потерялась в его карих глазах, и слова так и остались на кончике языка. Я нашла спасение в малышке между нами, опустившись на колени перед тележкой.

– А это Оливия? Привет, милашка.

Маленькая темноволосая девочка смотрела на меня широко распахнутыми голубыми глазами, затем выгнулась и с пронзительным визгом толкнула тележку.

– Она не любит сидеть на одном месте слишком долго, – сказал Сойер. – Так что я стараюсь побыстрее с этим покончить. На этой ноте... – с укором добавил он.

Я резко встала.

– О, да, конечно. Увидимся дома.

Он свел брови вместе, нахмурившись.

– Прозвучало странно, да? Мы практически незнакомцы и в тоже время буквально живем в одном доме. Разве не забавно, как две вещи могут быть противоположны и одинаковы одновременно?

– Ага. Странно, – безэмоционально ответил Сойер. – Мне надо идти. Рад был с тобой познакомиться. Снова.

Он повернулся, увозя прочь Оливию, чьи звуки разочарования разнеслись на весь супермаркет. Я вздохнула и посмотрела им вслед.

– Миленько поболтали.

«Нет, этого достаточно. Пусть идет. Ты работаешь над собой».

Я прошла несколько рядов с продуктами, закидывая в корзину творог, листья салата, равиоли и соус для пасты. Потянувшись за пакетом фильтров для кофе, которые совершенно случайно оказались на одной полке с детским питанием, я услышала нарастающий детский крик. Оливия была на грани истерики. В промежутках между ее визгами раздавались тихие просьбы Сойера еще немного потерпеть.

Я прикусила губу и внимательно оглядела ряды с красочными упаковками детского питания. Издав победный писк, схватила коробку с бисквитным печеньем и поспешила за угол.

– Привет еще раз, – сказала я. – Может, ей не помешало бы отвлечься на еду?

– Мы в порядке, спасибо.

Оливия громко завизжала, как бы говоря: *«Нет, папа, я точно не в порядке».*

Я прикусила нижнюю губу, сдерживая улыбку.

– Так я могу помочь?

Сойер снял бейсболку, нервно провел рукой по темно-русым растрепанным кудрям, и снова надел кепку на голову с тяжелым вздохом.

– Она только что закончила есть клубнику, и я не собираюсь пичкать ее кучей дерьмовых сладостей.

– А что насчет полезных сладостей? – Я протянула упаковку с печеньем. – Старая школа. Не могу поверить, что их еще производят. Это как собачьи косточки для детей.

– Собачьи косточки? – Он выхватил упаковку из моих рук и быстро пробежался по составу. Или, по крайней мере, сделал вид: прошла всего секунда, прежде чем он вернул мне пачку обратно. – Выглядит неплохо, но...

– Отлично. – Я открыла коробку и разорвала целлофан внутри.

– Что ты делаешь? Я не заплатил за них, – сказал Сойер, а затем пробурчал: – Видимо, теперь заплатил...

– Ты не пожалеешь. – Я предложила Оливии продолговатый ломтик, и она потянулась за ним крошечной пухлой ручкой. – Мама давала их нам с сестрой, когда мы были маленькие, – поведала я. – Требуется много слюны, чтобы они размягчились, что даст тебе время закончить покупки.

Сойер взглянул на притихшую Оливию, которая с удовольствием работала над печеньем.

– О, ладно. Спасибо, – медленно сказал он и забрал упаковку из моих рук, пытаясь освободить место между авокадо, индейкой, ананасом, горошком и кабачком.

– Вы сыроеды? – спросила я.

– Это все для нее, – ответил Сойер.

– Что насчет тебя?

– А что насчет меня?

– Ты ешь?

– Теоретически, – проговорил он. – У меня свидание с двенадцатым стеллажом, так что, если ты меня извинишь...

Я, быстро просканировав магазин, нашла двенадцатый стеллаж и поморщилась.

– Полуфабрикаты? Это вредно. Ты готовишь здоровую пищу для нее и ничего для себя?

– Я не могу взять больше, чем уже есть. Со мной все будет в порядке, спасибо за беспокойство...

– Давай помогу, – сказала я. – Что тебе нужно? Я помогу все донести.

Сойер вздохнул.

– Слушай... Дарлин? Мило с твоей стороны предложить помощь, и спасибо за крекеры, но я справлюсь. Когда она ляжет спать, я закину что-нибудь в микроволновку и засяду за учебники. – Он остановился и нервно встряхнул головой. – Зачем я вообще это объясняю? Мне пора идти.

Он начал уходить, и я поддалась искушению позволить ему уйти. Он был придурком, но это скорее результат нервного истощения. Я попыталась представить, каково это – в одиночку заботиться о маленьком человечке. Мне за собой-то было достаточно трудно ухаживать. Поэтому я решила отбросить в сторону грубость Сойера (и его дурацкую привлекательность) и выручить парня. По-соседски.

– Ты ведешь себя глупо, – крикнула я ему вслед.

– Глупо?

– Да! Я прямо здесь. Позволь помочь тебе. – Я скрестила руки на груди. – Как давно ты ел по-настоящему вкусную пищу?

Он молчал, уставившись на меня.

– Так я и думала. Пойдем. Я тебе что-нибудь приготовлю.

– Теперь ты собираешься готовить для меня? Да мы познакомились восемь секунд назад.

– И что?

Сойер моргнул.

– И ты... ты не обязана.

– Конечно я не обязана. Но я хочу. Мы же соседи. – Я снова посмотрела на указатели, чтобы сориентироваться. – Я собираюсь приготовить запеканку из тунца. В основном потому,

что это единственное, что у меня хорошо получается. Как тебе? – Я присела на корточки перед ребенком. – Любишь запеканку, сладкая горошинка?

Оливия улыбнулась, продолжая трудиться над своим печеньем, и дернула ножкой с детским восторгом.

– Оливия сказала, что с удовольствием попробует запеканку.

Сойер посмотрел на меня со странным выражением на лице, и я потянула его за рукав толстовки.

– Пошли. Кажется, я видела рыбу там.

Сойер на мгновение замер.

– Мне ведь так просто не отделаться от тебя, да?

– А тебе это нужно? – я нахмурилась.

Он все еще хмурил брови, но толкал тележку следом за мной.

– Я не привык, чтобы люди что-то делали для меня. Елена и так достаточно помогает. Чувствую себя объектом благотворительности.

– Ты не объект благотворительности, – сказала я. – Один ужин тебя не убьет.

– Знаю, но я жонглирую сотней мячей в воздухе, и, если кто-то протянет руку и схватит один из них, это собьет меня с толку. – Он прикрыл рот тыльной стороной ладони и зевнул так, что щелкнули зубы. – Черт, не знаю, зачем я это сказал. Я ведь даже не знаю тебя.

– В этом вся суть разговоров, – ответила я. – Знакомство с кем-то. Революционная концепция.

Он закатил глаза и снова зевнул.

– Ты действительно засиживаешься допоздна? – спросила я. – Елена сказала, что ты изучаешь право.

– О, да?

Мы подошли к мясному отделу. Он взял упаковку стейка, а потом со вздохом отбросил его назад.

– Что еще она тебе рассказала?

Я отобрала свежайшего тунца и положила в корзину.

– Что у тебя золотое сердце и что ты постоянно испытываешь стресс.

Он поднял голову, встревожившись.

– Что? Почему... почему она так сказала?

– Может, она думает, что так и есть. Второе утверждение кажется правдивым. Что насчет первого? – Я пожала плечами и сухо улыбнулась. – Присяжные еще не вынесли свое решение.

– Ха-ха, – уныло сказал он и окинул меня взглядом. – Ты всегда такая прямолинейная?

– Хотелось бы сказать, что честность – лучшая политика, но, вероятно, причина просто в отсутствии речевого фильтра.

– Я заметил.

– Сказал парень, который встретил меня словами «Вы кто?», – я рассмеялась.

Сойер остановился и уставился на меня, словно я была головоломкой, которую он никак не мог разгадать. Пульс подскочил под пристальным взглядом его темных глаз. Прочистив горло, я выгнула одну бровь.

– Давай, делай фото, такое встречается лишь однажды, – сказала я, нервно усмехнувшись. Глаза Сойера распахнулись от удивления, и он покачал головой.

– Прости, я... я на самом деле устал.

Он двинулся вперед, а я заметила, как привлекательная молодая женщина рассматривает Сойера, Оливия, потом Оливия и Сойера вместе. Я практически видела сердечки в ее зрачках. А Сойер даже не обратил внимания.

– Итак, ты учишься в юридической школе.

– Ага, в Гастингсе.

– О, это хороший университет? – спросила я и замерла. – Подожди. Меня только что осенило. Ты собираешься стать юристом?

– И?

– Юрист-моралист.

Он застонал.

– Пожалуйста, не называй меня так.

– Почему нет? Это же мило.

– Это глупое ребячество.

– Ой да ладно тебе, – усмехнулась я. – Уверена, ты тоже считаешь это милым. Получилась довольно забавная рифма.

– Я слышал подобные дразнилки сотни раз, – пробурчал он. – Кстати говоря, я планирую стать адвокатом, а не юристом.

– В чем разница?

– Когда ты просто закончишь юридическую школу, то станешь юристом. А если сдашь экзамен и получишь лицензию на ведение практики, то ты адвокат. Вот я собираюсь стать адвокатом.

– Ну, адвокат-моралист звучит не так забавно. – Я достала свой телефон из рюкзака. – «Википедия» говорит, что эти понятия практически взаимозаменяемы, – и усмехнулась.

Он вздохнул, из его уст вырвался усталый смешок, который, казалось, удивил его. И в очередной раз он бросил на меня недоумевающий взгляд.

– Никогда не встречал кого-то похожего на тебя. Ты как...

– Я как... кто?

Наши глаза встретились и задержались друг на друге, и, несмотря на пронизывающий холод в супермаркете, я утонула в теплоте взгляда Сойера. Его суровое выражение лица смягчилось, напряжение немного ослабло, стресс, который он так долго держал в себе, понемногу утихал. Он наглухо запер все в себе, но за эти несколько ударов сердца я увидела его суть. Одна мысль проскользнула в голове.

«Он одинок».

Вдруг Сойер моргнул и резко тряхнул головой, отводя взгляд в сторону.

– Неважно. – Напряжение вернулось, я почувствовала, как это колючее силовое поле окружает его, отбрасывая меня в сторону. – Идем, пока не закончилось действие твоих волшебных печенюшек.

Я улыбнулась и молча последовала за ним, внутри умирая от желания узнать, что же он хотел сказать.

«*Может быть, ничего хорошего*», – подумала я. Что вполне возможно, ведь я никогда не затыкалась вовремя и всегда совала нос в чужие дела.

Но то тепло в груди, – в непосредственной близости от моего сердца, – так и не исчезло. Сойер собирался сделать мне комплимент, я была уверена в этом. Ничего скучного или примитивного – он слишком умен для таких вещей. Что-то исключительное, возможно.

Комплимент, который не прозвучал бы, как комплимент, потому что был адресован только мне.

«*Ты ведешь себя глупо*», – пожурила я себя, подходя к кассе. Я проехала три тысячи миль, и страстное желание, чтобы кто-то *увидел* меня, следовало за мной, словно тень, от которой я никак не могла избавиться.

Глава 5

Соьер

Мы возвращались домой вместе: Оливия, я... и моя новая соседка.

«Как, черт возьми, это произошло?»

Всего несколько часов назад это был обычный пятничный вечер. В то время как мои друзья и сокурсники-юристы выпивали и отрывались на вечеринках, чтобы снять стресс, я планировал приготовить ужин для своей дочери, поиграть и немного почитать с ней перед купанием, а затем уложить ее в кровать, после чего собирался засесть за учебники, пока сон не свалит меня с ног.

А сейчас...

Сейчас Дарлин Монтгомери хотела приготовить для меня ужин.

Тревожные сигналы и сирены звучали в голове, предупреждая, что это плохая идея. Я больше не приводил домой женщин, а здесь вдруг с такой легкостью уступил ей. Пришлось списать это на свою усталость и ее энергичность. Дарлин, должно быть, гибкая танцовщица; она проскользнула мимо всех моих баррикад и защитных сооружений, изгибаясь и наклоняясь сквозь поле красных лазерных лучей, как ниндзя в шпионских фильмах.

«Один ужин. И все».

Пока мы шли, на город опустились сумерки, медные и согревающие. Дарлин без умолку болтала о различиях между Нью-Йорком и Сан-Франциско. Я думал, что это сведет меня с ума, но мне понравилось ее слушать. У нее был приятный голос, а все мои разговоры в последнее время состояли в основном из попыток уговорить моего ребенка съесть горошек или выслушивания жалоб студентов-юристов.

Периодически я украдкой бросал на нее короткие взгляды.

В продуктовом магазине моя фотографическая память записала целый ролик с ее лицом. Он представлял из себя набор картинок ее поразительных черт: округлое лицо, большие глаза, пухлые губы, острые скулы, густые брови. Ничто в ней не казалось незначительным.

Здесь, под желтым светом уличных фонарей, ее почти синие глаза наполнились сиянием. Поверх гибкой фигуры был надет безразмерный свитер, но он не скрывал ее сущности. Она выглядела как танцовщица – стройная, но рельефная, шла грациозной походкой, несмотря на тяжелые армейские ботинки.

– Почему такие ботинки? – задал я вопрос о самой безобидной вещи, надетой на ней.

– Для защиты.

– От кого?

– Не «от кого». Для моих ног, – ответила она. – Я танцовщица, ну или скоро стану ей, а ноги – самая ценная часть меня.

– Что танцуешь? Балет?

– Когда была маленькая, – ответила я. – Но сейчас предпочитаю современные направления и капоэйру. Слышал о таком?

– Афро-бразильское боевое искусство, сочетающее в себе элементы танца, акробатики и музыки. Зародилось в Бразилии в начале шестнадцатого века.

Дарлин резко остановилась.

– Ты только посмотри на себя, мистер Энциклопедия. Ты фанат?

– Я однажды что-то читал об этом.

– Однажды? Ты всегда так четко запоминаешь прочитанное?

– Да.

Я почувствовал на себе пристальный взгляд и развернулся, увидев выжидающее выражение на ее лице, – с таким обычно женщины требуют дальнейших объяснений, если парень сказал или сделал что-то неправильное.

– У меня эйдетическая память.

– Какая-какая?

– Фотографическая.

– Да ну! – Дарлин крепко схватила меня за руку. – Серьезно?

Я кивнул.

– Значит, ты можешь запомнить длинную последовательность цифр или... что на тебе было надето двадцать четвертого января две тысячи пятого года?

– В подробностях.

– Прямо... до мельчайших? – спросила она. – Оцени по шкале от одного до «Я-должен-попасть-на-шоу-Эллен-Дедженерес».

– Какие там требования у Эллен? Восемь?

Дарлин не отводила от меня свои распахнутые глаза.

– Вау. Да ты мегамозг. Должно быть, это помогает в юридической школе?

– Да, это так, – согласился я. – Иначе я никогда не закончил бы вовремя.

– Классно, – сказала Дарлин.

У меня появилось предчувствие, что она готовится завалить меня вопросами, как Эндрю из учебной группы, и я прервал ее на полуслове:

– Итак, собираешься вернуться к танцам? – осведомился я. – Как раз вовремя, учитывая, что ты живешь надо мной. Повезло мне.

Она усмехнулась, но ее улыбка тут же увяла.

– Пока не уверена.

Ее пальцы играли с крошечным клочком бумаги, который она достала из кармана свитера.

– За сегодняшний день я сотню раз пыталась выкинуть его.

– Что-то ценное?

– Возможно, – ответила она. – Кто знает. Это телефон танцевальной труппы, но я не уверена, что наберу его когда-нибудь.

– Почему?

Она засунула бумажку обратно в карман.

– Я здесь всего несколько дней. У меня отличная квартира, работа. И пока не знаю, чем буду заниматься. Я вроде как приехала сюда, чтобы начать все сначала.

– Почему? Скрываешься от закона?

Это была шутка, но глаза Дарлин вспыхнули, и она отвернулась.

– Нет, ничего подобного, – быстро пробормотала она, ее улыбка казалась вымученной. – Мне нравится, что меня здесь никто не знает. Словно пресловутый чистый лист, где я могу писать все, что захочу.

Я растерянно кивнул. Разговор медленно переходил на слишком личные темы, а это запретная территория. У меня не было времени копаться в чьих-то проблемах, я сам едва держался на плаву. Тащил на себе день за днем тяжелый неподъемный груз, дожидаясь, когда закончится год и Оливия станет только моей. Усталость походила на мою броню, но Дарлин... Она оказалась слишком легкой и невесомой, словно громоздкие ботинки нужны были ей для

того, чтобы не улететь прочь. С улыбкой, не сходящей с лица, с ее беззаботным смехом, она ворвалась в мою жизнь в том продуктовом магазине как ни в чем не бывало.

«Полная противоположность мне во всех отношениях».

Тишина, опустившаяся между нами, не продлилась и трех секунд.

– В общем, сегодня я твой шеф-повар, – сообщила Дарлин.

– Ты не обязана...

Она остановилась и поставила руки на пояс.

– Я смотрела «Закон и порядок». Мы собираемся заняться, как вы это называете? Когда в очередной раз спорят об одном и том же?

– Повторное судебное разбирательство.

– Да, точно. Итак, мы начинаем повторное разбирательство? На повестке дня ужин.

– Я просто не привык...

– Протест отклонен, юрист-моралист, – ответила она. – Я готовлю ужин, а ты позволяешь мне это, или нажалуюсь Елене.

– Господи, ты заноза в заднице, ты в курсе?

Дарлин рассмеялась.

– Чем тебе не угодило слово «настойчивая»?

Я закатил глаза и наклонился, чтобы проверить Оливию. Она все еще радостно посасывала печенье и что-то лепетала. Улыбнулась мне ртом, полным сладкого месива. Я усмехнулся в ответ.

«Святые угодники, как я обожаю это личико».

Снова выпрямившись, я увидел нежный взгляд Дарлин, направленный на меня, на мою дурацкую улыбочку. Я вернул свое обычное выражение лица, взялся за ручку коляски и покатил ее по тротуару.

– Ты такой милый с ней, – сказала Дарлин. – Как долго вы живете только вдвоем?

– Десять месяцев, – ответил я, стиснув зубы. Я всячески избегал разговоров о Молли: иррациональный страх засел во мне, словно одно упоминание имени могло призвать ее обратно, где бы она ни находилась, чтобы забрать у меня малышку.

Мои плечи согнулись в ожидании следующих вопросов, более личных, которые я так ненавидел. Но Дарлин, вероятно, уловила сигнал, поскольку больше ни о чем не спросила.

Когда мы подошли к дому, я поднял коляску с Оливией на три ступеньки, пока Дарлин открывала входную дверь. В фойе она окинула взглядом лестничный пролет и нахмурилась.

– Ты таскаешь коляску с ребенком на себе по этой лестнице?

– Нет, обычно я сначала отношу Оливию, а затем возвращаюсь за коляской. Поэтому я и не набираю много продуктов.

– Какой силач, – вздохнула Дарлин. – Я помогу. Коляска или ребенок?

Я заколебался. Коляска была тяжелее, слишком громоздкой, но Оливия в руках Дарлин... это пугало меня.

– Я не уроню ее, обещаю. Или могу взять коляску, – быстро добавила она. – Как тебе удобнее.

– О, теперь ты беспокоишься о моем комфорте? – спросил я, посмеиваясь. – Бывает же.

– Чудак. Решайся, – она закатила глаза.

– Коляска тяжелая, – осторожно произнес я. – Если ты не возражаешь взять малышку.

– Возражаю? Да ни за что на свете.

Она опустила перед Оливией на колени, отодвинула небольшой столик и отстегнула ремень безопасности.

– Эй, горошинка. Могу я взять тебя? – Улыбка осветила маленькое личико Оливии, стоило только Дарлин поднять ее и прижать к своей груди. – Вкусное печенье? Уверена, что да. Поделишься?

Дарлин сделала вид, что кусает печенье, и Оливия звонко рассмеялась.

Я сложил коляску и понес ее вверх по лестнице, пока Дарлин поднималась следом. У двери нащупал ключ, остро ощущая присутствие Дарлин, словно за спиной разгорался пожар. А вдоль позвоночника пробежал электрический разряд. Я не приводил сюда женщин с тех пор, как переехал.

«Дарлин – не женщина в традиционном понимании, она соседка. И ты не приводил ее, она каким-то образом пробралась сюда сама».

Но мое тело плевать хотело, как она тут оказалась, главное, что она тут была.

Я открыл дверь, приставив коляску к стене, и закрыл за нами дверь. За нами. Тремя.

«Не вздумай распускать сопли. Один ужин, строго по-соседски».

– Она прекрасна. – Дарлин передала мне Оливию и скинула рюкзак с плеч, поставив его на кухонную стойку. – Хорошая квартира. Намного больше, чем моя. Две спальни?

– Ага.

– Никогда не видела холостяцкую берлогу, отвечающую всем требованиям безопасности для детей. – Дарлин указала подбородком на журнальный столик с резиновыми накладками на каждом уголке. – Миленко.

Я уже хотел начать спорить о том, что моя квартира далека от холостяцкой берлоги, но остановился на полуслове.

Дарлин сняла старый, поношенный свитер, повязав его на тонкой талии, и начала рыться в шкафах. На ней было черное боди с бретельками, перекрещенными на спине. Меня заворожили ее подтянутые мышцы, проступающие под нежной бледной кожей, ее изящная шея и плавные движения рук, когда она потянулась за сковородкой на верхней полке.

Мне невероятно сильно захотелось увидеть, как она танцует. Посмотреть, так ли плавно она двигается, как на это намекали линии ее тела.

И вот так десять месяцев воздержания обрушились на меня. Кровь хлынула к паху, и внезапная слабость стала наименьшей из моих забот. Я закашлялся, чтобы скрыть случайно вырвавшийся стон.

– Ты в порядке? – спросила Дарлин, глядя через плечо.

– Да, все хорошо.

«Это плохая идея».

Я хотел посадить Оливию в манеж, но она заерзала и вырвалась из моих рук, как только увидела, куда ее направляют. Я опустил ее на пол и наблюдал, как она ползет на кухню. К Дарлин.

– Что ты тут делаешь? – проворковала Дарлин. – Ты пришла мне на помощь?

Она взяла Оливию на руки и усадила к себе на бедро, придерживая одной рукой.

– А теперь расскажи мне, где твой папочка хранит противни для запекания?

Я смотрел на красивую женщину с моей дочерью на руках, которая хозяйничала на моей кухне и мило беседовала с малышом, заставляя ее смеяться. Боль – в тысячи раз сильнее, чем любая сексуальная неудовлетворенность – поднялась откуда-то из глубин моего сердца. Казалось, сотни эмоций, которые я так долго держал взаперти, вырвались на свободу: что я хотел для себя, для Оливии, все потери, которые она понесла за свою короткую жизнь, и ради чего я работал, пытаюсь сохранить ее. Словно я обронил мешок с маленькими шариками, и теперь мне придется собирать их заново, пока не запнусь, упав на задницу.

– Это была плохая идея, – сообщил я.

Дарлин скорчила Оливии глупую рожицу.

– М-м-м?

– Я не могу этого сделать.

– Что? Поужинать?

– Да, – огрызнулся я. – Я не могу поужинать. С тобой. И не могу позволить тебе здесь находиться, помогать мне или играть с Ливви. Я не могу.

Выражение лица Дарлин резко изменилось, и я возненавидел себя за то, что свет в ее глазах потускнел.

– О.

Она аккуратно посадила Оливию на пол, но та сразу заверещала, требуя поднять ее.

– Черт, – сказал я, нервно проводя рукой по волосам. – Именно поэтому я и не хотел какой-либо помощи. Одно приведет к другому, и не успеешь оглянуться...

– Не успеешь оглянуться, как уже наслаждаешься вкусным ужином? – спросила Дарлин со слабой улыбкой.

– Я не об этом.

Дарлин замахала руками.

– Нет, ты прав. Прости. Это твоя квартира. Твоя личная жизнь. Я часто так делаю. *Увлекаюсь*. А я переехала сюда, чтобы работать над собой. – Она закинула рюкзак за плечо и взяла Оливию за руку, проводив до меня. – И мне предстоит еще много работы.

– Дарлин...

Она наклонилась к малышке.

– Пока-пока, сладкая горошинка. – Подняв голову, она одарила меня остатками своей лучезарной улыбки. – Приятного вечера.

Звук захлопнувшейся двери заставил меня вздрогнуть. Комната вдруг показалась такой маленькой. Тихой.

Оливия дернула меня за штанину.

– Вверх, папочка, вверх.

Я поднял ее на руки и обнял. Она улыбнулась, и я снова запаковал все свои эмоции в бутылку, сконцентрировавшись только на одной. На любви к ней. Она – все, что имеет значение для меня.

– Пойдем, что-нибудь перекусим.

Тунец остался у Дарлин в рюкзаке, который она схватила в спешке, когда убегала. Я дал Оливии авокадо, кусочек индейки, вареное яйцо и один их тех крекеров, с которыми меня познакомил Дарлин. После я искупал Оливию и прочитал ей «Грузовой паровозик» около десяти раз, пока она не начала зевать вместо очередного: «Еще».

Уложив ее в маленькой спальне, я разложил свои учебные материалы на столе в гостиной. Часы на стене показывали четверть девятого. Я подошел к холодильнику в поисках замороженного ужина. Живот предательски урчал, требуя чертову запеканку с тунцом.

Сейчас, когда Ливви была в постели, чувство вины терзало мой пустой желудок.

«Ты не должен был ее выгонять».

У меня была тысяча веских причин держать свою личную жизнь под замком, но вести себя как осел по отношению к Дарлин – все равно что сказать «отвали» человеку после того, как он пожелал тебе хорошего дня.

Я уткнулся головой в холодильник. Мне придется извиниться. А я ненавижу извиняться.

В дверь тихонько постучали. Я прошептал молитву всем богам сразу, надеясь, что это не Елена, которая пришла сказать, что не сможет присмотреть за Оливией на следующей неделе.

За дверью стояла Дарлин. В руках у нее была тарелка с едой, накрытая фольгой. Пар поднимался вверх небольшими завитками, наполняя воздух ароматами теплой лапши, грибов и тунца.

«Черт побери, какая она красивая».

Образы, отпечатавшиеся в моей идеальной памяти, были жалкими копиями по сравнению с реальной картинкой. Я скрестил руки на груди, словно пытался возвести между нами баррикаду.

– Еще раз привет, – сказала Дарлин. – Я здесь не для того, чтобы заставлять тебя испытывать чувство вины или вторгаться в твою личную жизнь. Честно. – Она протянула мне тарелку. – Это предложение мира и прощальный подарок. Обещание, что больше не буду вмешиваться в твои дела.

Я взял тарелку из ее рук.

– Здесь очень много запеканки.

– Ты настоял на том, чтобы заплатить за это, и я знаю, что ты никогда бы ее не приготовил.

Пужинай сегодня, тут еще и на завтра хватит.

Я уставился на тарелку с едой. Благодарность и извинение – вот и все, что мне нужно было сделать, чтобы со спокойной душой закрыть дверь и вернуться к своей прежней жизни. К напряженной, полной тревог жизни.

Дарлин склонила голову.

– Ладно, что ж... я пойду. Доброй но...

– Мать Оливии бросила ее десять месяцев назад, – услышал я свои слова. – Мы с приятелями устроили вечеринку в тот день, а она заявила и просто... бросила ее там. Оставила Оливию без мамы.

– О нет, – ахнула Дарлин и прислонилась плечом к дверному косяку. – Мне так жаль.

– Что есть, то есть, но... поэтому я никого сюда не привожу. У меня нет времени на отношения с кем-либо, даже друзей не зову в гости. Я ненавижу саму мысль о том, что Оливия окажется в одном доме с незнакомкой. Ей и так сложно без матери, и я не хочу сбивать ее с толку.

– Я понимаю, – ответила Дарлин.

– Наверное, это глупо и чересчур заботливо, но... Она начинает называть Елену «мам». Она слышала, как ее дети называют, и я... и я не знаю, что делать.

Лицо Дарлин смягчилось, и она протянула руку, неловко похлопывая меня по плечу.

– Ты отлично справляешься с ней. Очевидно же, что она счастлива с тобой.

– Да, но... – Я провел рукой по волосам. – Слушай, это глупо. Оливия спит. Заходи и помоги мне все съесть.

Дарлин усмехнулась и покачала головой, прежде чем я закончил предложение.

– Не-а. У меня тоже есть свои правила. Я тоже работаю над собой, помнишь? Пытаюсь, во всяком случае.

Ее мобильный телефон завибрировал, и она вытащила его из кармана, резко поблдев.

– Вот черт. Мне нужно идти. М-м, у меня встреча... деловая встреча через, о черт, уже тридцать минут. Я совсем забыла.

Я нахмурился.

– Деловая встреча в пятницу вечером?

– Ага, облом, да? – Дарлин невесело рассмеялась. – Так что я не смогу остаться на ужин. Иначе пренебрегла бы своими обязательствами. А я стараюсь быть ответственной перед собой. Никаких отвлекающих факторов.

– Понял, – сказал я, почувствовав тяжесть в груди. – Никаких отвлекающих факторов. Что же, спасибо за запеканку.

– Без проблем, – ответила она и шлепнула меня по руке. – Видишь? Все не так уж и плохо. Нам не обязательно становиться лучшими подружками, но и чужими мы быть не должны. Быть соседями вполне подходит.

– Да, думаю, это может сработать.

– Вот и ладненько. – Дарлин расплылась в улыбке и пошла по коридору. – Пока.

Она быстро махнула рукой и, резко крутанувшись на пятках, побежала вниз по лестнице.

– Пока.

Я закрыл дверь и на мгновение прислонился к ней лбом, ощутив, как на меня навалилась вся усталость мира. Весь вечер меня подпитывала энергия Дарлин, я чувствовал себя бодрее, чем когда-либо, а теперь был опустошен.

Друг или незнакомец.

Кроме Джексона, у меня не было друзей, да и времени на них не оставалось. У меня вообще больше ни на что не было времени. Сосед – что-то между «другом» и «незнакомцем». Дарлин можно было отнести к этой группе.

Я не мог отнести ее куда-то еще.

Глава 6

Дарлин

– О боже мой, это отстой, – простонала я.

Я крепко держалась за руку Макса, пока мы пробирались в ИМКА⁷. Сердце бешено колотилось в груди после моей безумной пробежки. Хвала «Уберу», что я успела на свое первое собрание общества анонимных наркоманов.

«Хвала Максy, что напомнил мне о ней в сообщении», – мысленно добавила я, но вслух не произнесла.

– Что отстой? – спросил он, нахмурившись. – Собрание?

«И это тоже».

– Нет, – ответила я. – Новые жизненные обстоятельства. Это станет настоящим испытанием для моей сексуальной силы воли.

– Сексуальная сила воли, – повторил Макс. – Такого я еще не слышал.

Он выглядел чертовски восхитительно в джинсах и черной футболке с кожаной курткой поверх, но я начала смотреть на него по-другому. Без сомнения, он был великолепен, но его глаза казались неправильного оттенка, а волосы – идеально прямые, без мягких завитков.

«Он не привлекает тебя, потому что ты знаешь, что он гей. Вот и все».

Я покачала головой.

– Я горячая американка. У меня есть потребности. Зов плоти. И все же я обрекла себя на год воздержания. На целый год.

– Нереалистичные ожидания – это неудачи, ожидающие своего часа.

– Так написано в пособии для спонсоров?

– Это название, – ответил Макс, улынувшись. – Кстати, я думал, что твой план заключался в том, чтобы не вступать в отношения с мужчинами. А не дать обет целомудрия.

– Для меня не существует одного без другого, – пояснила я. – Еще одна моя зависимость. Не секс, а попытки заполнить чем-то пустоту внутри, чтобы почувствовать себя лучше. И быть рядом с мужчиной... это делает меня счастливой. Секс, прикосновения, утро после секса. Боже, как я люблю следующее утро.

Подняв взгляд на Макса, я увидела смешинки в его глазах и взмахнула рукой.

– Потом я привязываюсь и пробую построить отношения из ничего, но они ускользают от меня. Я снова возвращаюсь на исходную позицию, с еще одной неудачей за плечами.

⁷ Молодежная волонтерская организация, основанная в 1844 году.

– М-м-м, – промычал Макс. Мы ступили в коридор, с ярким флуоресцентным светом и линолеумом на полу, и наши шаги присоединились к тихому топоту других людей, направляющихся на групповые собрания. – Что же привело к столь внезапной откровенности?

– Невыносимо горячий сосед.

– Ух... Рассказывай.

– Он живет этажом ниже. У него есть маленькая дочь, а мне все равно. Я думала, что это как-то оттолкнет меня, но нет. То, как он заботится о малышке, лишь добавляет ему чертовой сексуальной привлекательности.

Тонкий голосок в моей голове шептал, что Сойер был привлекателен во многих отношениях без исключения, но его необыкновенная красота – единственное, что я позволила себе признать.

Мы вошли в зал. Наша группа на вид была небольшой, всего пятнадцать стульев, стоящие напротив трибуны. Я быстро осмотрела своих товарищей по несчастью, борющихся с зависимостью. Здесь находились люди самых разных возрастов: молодые, как мы с Максом, а самому старшему было где-то за шестьдесят. В углу стоял стол с кофе и пончиками, а женщина с темными волосами и усталой, но теплой улыбкой раскладывала салфетки и одноразовые стаканчики. Должно быть, это была Анджела, куратор программы.

Мы направились за закусками, где Макс приветливо кивнул женщине и наклонился ко мне:

– Думаю, тебе стоит опасаться.

– Чего? – спросила я, разглядывая пирожные. – Помимо сотни миллионов других вещей, которых мне следует опасаться?..

– У того парня, твоего соседа, есть ребенок? – переспросил Макс. – Если ты начнешь с ним встречаться, отношения будут не только между вами двумя. А ребенок всегда будет на первом месте для него.

– Я уже сказала тебе, что не будет никаких отношений: ни сексуальных, ни каких-либо других в течение года, – подытожила. Я выбрала себе пончик «Медвежья лапка» и налила в пластиковый стаканчик кофе.

Год. Боже, словно очередной тюремный срок. Образ красивого лица Сойера, улыбающегося своей дочери, невольно всплыл в моей голове.

– И даже если бы я захотела отношений, то точно не с Сойером, – быстро добавила я, будто создавала заклинание изгнания его из своих мыслей. – Учеба и Оливия и так отнимают у него все свободное время.

– Учеба? Пожалуйста, не говори мне, что он школьник.

Я стукнула Макса по руке, посмеиваясь.

– Не тупи. Он учится в Гастингсе, – с гордостью заявила я. – Собирается стать адвокатом.

– Юрист-моралист?

– Вот почему я люблю тебя, Макс.

– Значит, у него нет времени на отношения.

– Именно! Это ведь хорошо, правда? – спросила я, откусывая большой кусок от пончика. – У него нет времени, а мне нужно разобраться в себе. – Крошки посыпались на мою футболку, и я нервно смахнула их. – Было бы гораздо проще, не будь он таким сексуальным. И умным. И забавным. Еще он чертовски ворчлив, но только на первый взгляд. Он словно прячется от всего мира, но наедине с Оливией...

– Стоп-стоп-стоп, – воскликнул Макс и строго посмотрел на меня. – Откуда ты столько всего знаешь о нем? Ты тусуешься с парнем, который сказал, что у него нет на тебя времени?

– Ох, ну если ты так ставишь вопрос, – я закатила глаза. – Да, мы тусовались вместе. Один раз. Сегодня вечером. Я столкнулась с ним в продуктовом магазине. Бедняга питается одними полуфабрикатами. Поэтому я приготовила ему ужин.

– Ты *готовила* для него?

– Запеканку с тунцом. Все не так страшно, как кажется.

Мы заняли места позади всей группы, и Макс скривил губы.

– Я серьезно, Дар. Если ты хочешь преуспеть в воздержании или в поиске себя, или в чем-либо еще, то должна дать шанс в первую очередь себе.

– Так и делаю.

– Ты переехала два дня назад и уже успела поужинать с парнем.

– Я *не* ужинала с ним, – проворчала я, разглаживая салфетку на коленях. – Да, я действительно готовила для него, но мы... решили, что будем придерживаться сугубо соседских отношений.

Макс не отрывал от меня взгляда. Я внезапно почувствовала себя совершенно голой, будто моя глупая полуправда была вытатуирована на коже.

– Никогда бы не рассказала тебе о нем, зная, что ты так взбесишься.

– Я не считаю хорошей идеей ставить себя в ситуацию, которая может обернуться катастрофой, – сказал Макс, нахмурившись.

– Мы с Соьером даже не друзья.

– И тебя все устраивает?

– Да. Конечно. А почему нет? Я уже не та идиотка, какой была в Нью-Йорке, которая вешалась на первого встречного. Уже нет.

Макс подбородком указал на небольшую трибуну, где стояла Анджела, призывая всех к тишине.

– Расскажи это им.

– Сегодня к нам присоединился новый человек, – сообщила руководитель программы. – Пожалуйста, поприветствуйте Дарлин.

Группа повернулась на своих местах и зааплодировала.

Макс подтолкнул меня в бок. Он наконец-то сменил мрачную гримасу на ободряющую улыбку.

– Вперед. Давай посмотрим, что у тебя есть.

Я направилась в сторону небольшой сцены в передней части зала. Как же сильно я ненавидела эту часть: вставать и рассказывать свою историю перед кучкой незнакомцев. Это должно было заставить меня почувствовать сплоченность, убедить продолжать сражаться со всем, что я натворила и кем была; подтолкнуть меня рассказать обо всем вслух, не притворяясь, что ничего этого не было. Но мне казалось, будто я делюсь историей своей слабости снова и снова.

– Привет. Меня зовут Дарлин.

– Привет, Дарлин, – прозвучало в ответ.

«Уф, как глупо».

В общих чертах я обрисовала свою историю. Три месяца тюрьмы за хранение, условно-досрочное освобождение, передозировка на новогодней вечеринке, еще одно условно-досрочное и, наконец, полная свобода, но с обязательными собраниями трижды в неделю.

– И как ты себя чувствуешь на новом месте? – спросила Анджела, когда я собралась занять свое место.

– Отлично. Хорошо. Я счастлива быть здесь, в новом городе. Начинать все сначала. Ну, кроме этих собраний. АН везде одинаковы, куда бы вы ни отправились, верно? – я прыснула от смеха. Но никто не засмеялся в ответ.

Когда я вернулась на свое место, Макс переменялся в лице.

– Разве мама не говорила тебе, что если будешь корчить гримасы, то они навсегда останутся на твоём лице? – прошептала я, пока другая девушка, Келли, подходила к трибуне, чтобы продолжить свою историю, начатую на прошлом собрании.

– Позже, – сказал Макс и дернул подбородок в сторону выступающего. – Слушай.

После собрания несколько членов группы представились мне и пожали руки. Две девушки и нервный парень предложили немного развлечься и сходить куда-нибудь выпить кофе, и я вежливо отказалась, сославшись на работу. Для себя решила, что бывшей наркоманкой позволю себе быть только здесь. В этом зале находилась прежняя Дарлин. Но во всех остальных местах – новая «Я».

Я схватила свой рюкзак, пока Макс и Анджела разговаривали около трибуны. Они оба одновременно посмотрели на меня, словно родители, пытающиеся разобраться, как поступить с проблемным ребенком.

«Ну и пусть, – подумала я. – Прошлое останется в этих стенах. Именно это и подразумевает под собой анонимность. Никто не должен знать. Соьер не должен знать...»

Он снова пробрался в мои мысли, и сей факт нервировал меня. Пребывание здесь раздражало. Я резко подорвалась и направилась к двери, ощущая себя так, словно за мной гонятся призраки прошлого.

Макс уже стоял на улице, все еще хмурясь.

– Полагаю, тебя не впечатлил мой дебют? – спросила я, стараясь придать голосу легкости.

– Казалось, словно ты зачитываешь список своих покупок.

– Что ты имеешь в виду? Я рассказывала свою историю.

– Ага, скорее, кратко изложила сюжет. Пункт первый: я принимала наркотики. Пункт второй: меня поймали. Третий пункт: я приняла еще больше наркотиков.

– Да. И что? – огрызнулась в ответ. – Слушай, не думаю, что мне есть что рассказывать, если честно. Я завязала и чиста уже в течение долгого времени. – Я расправила плечи. – Не собираюсь возвращаться к прошлому. Я достигла дна и вышла с другой стороны. Конец истории.

– Достигла дна?

– Да.

– Когда?

– Ты что, не слушал? Когда полтора года назад у меня случился передоз на новогодней вечеринке.

– Я слышал, но ты не упомянула о том, что для тебя значило «дно». Или на что это было похоже.

– А ты-то сам, как думаешь, что это было? Отстойно! Но сейчас я чувствую себя прекрасно. Зачем мне говорить обо всем том дерьме, если я уже с ним покончила?

Макс скрестил руки на своей широкой груди.

– Значит, ты здесь только потому, что так приказал в суд?

Я вздохнула.

– Я не хочу облажаться, Макс. Этого и ожидает моя семья. Но я стала лучше, чем была. У меня есть сертификат массажистки, хорошая работа, новое начало. Я обязана верить, что худшие дни остались позади, понимаешь? – Я усмехнулась, осторожно толкнув его в плечо. – Я собираюсь доказать родителям, что они ошибаются, вот увидишь.

Выражение лица Макса немного смягчилось.

– Я не могу рассказывать тебе о том, как бороться с зависимостью, Дар. Это длинный, мрачный путь, который каждый зависимый должен пройти самостоятельно. Но как твой спонсор могу указывать лишь на дорожные знаки, которые ты не должна упустить и которые уже прошел сам.

– И?

– И вот тебе мое полупрофессиональное мнение: ты прошла куда меньше, чем тебе кажется.

Я хотела было начать спорить, но замерла на полуслове. Так и поступают наркоманы. *Говорят* о том, что они больше не зависимы. Но я избавилась от этой пагубной привычки. Действия теперь значили для меня больше, чем слова.

– Тогда я докажу, что и ты ошибаешься.

Глава 7

Со́йер

– Позволь уточнить, – сказал Джексон, поднимая штангу и удерживая ее вес. Пот стекал по его вискам прямо на скамью. А я стоял над ним, подстраховывая. – Твоя новая соседка... – Он снова опустил штангу на грудь. – Она горячая, забавная, ведет себя с Оливией *«так естественно»*, – поддразнил он меня и поднял штангу вверх. – И ты ее выгнал.

Я помог ему установить штангу на место, и он сел, втягивая воздух.

– Все было не совсем так, – ответил я.

Мой лучший друг окинул меня взглядом. Ранним утром в понедельник в спортзале Гастингса всегда было мало народу, так что Джексон мог спокойно читать мне лекции без перерыва, одновременно качая мышцы.

– Я люблю тебя, бро, но ты все свои мозги растерял.

– Да ладно, Джекс, ты же знаешь о моем обещании. – Я направился к силовому тренажеру на трицепс. – Что, черт побери, я должен был сделать?

– Это вопрос с подвохом? – Джексон подошел к стойке с гантелями, взяв в каждую руку по сорок фунтов, и встал лицом к зеркалу. – Забудь ты о своем обещании и пригласи ее на свидание. Или затащи в постель. Или позови на свидание, а *потом* отведи в постель.

«Затащить Дарлин в постель».

Моментально в моем воображении вспыхнула она: обнаженная, прижавшаяся ко мне; ее темные волосы рассыпались по моей подушке, а лучезарная улыбка светилась в приглушенном свете утра.

Я раздраженно встряхнул головой.

– Нельзя закрутить однодневный роман с человеком, который живет в одном доме с тобой. Это безумие.

– А нечто большее, чем одна ночь, невозможно? – спросил Джексон, приподняв бровь.

– Да. Если все пойдет наперекосяк – а так оно и будет, – то мне придется переехать.

Друг усмехнулся, сузив глаза.

– погоди. Если вся эта ситуация с милой Дарлин настолько безнадежна, то почему мы ее обсуждаем? Ты хочешь, чтобы я образумил тебя, верно?

«Черт бы его побрал».

– Ошибаешься, – ответил я. – Я просто поведал тебе о последних новостях. О новой соседке в моем доме. – Я услышал, как глупо это прозвучало, но продолжил говорить, словно мог похоронить свои слова в следующих: – Мы слишком разные. Несовместимые. Она...

«Беззаботная».

– Она несерьезная, – сказал я. – А я да.

– Пренебрежение века, – пробормотал Джексон. – Так она веселая? Тебе нужно немного повеселиться. Ты отчаянно в этом нуждаешься.

– Что мне нужно, так это закончить учебу, а после сдать экзамен. Кроме того, – добавил я между подходами, – она не заинтересована в отношениях. Она сказала, что переехала сюда, чтобы *работать над собой*, что буквально означает: «Я молодая горячая женщина, которая

не желает тусоваться с парнем и его ребенком». – Я потянул трос изо всех сил, заставив свои мышцы вопить. – Она будет ходить на вечеринки. Свидания. А у меня нет ни времени, ни средств, не говоря уже о той внутренней энергии, которую придется вкладывать в девушку.

– Подожди-ка, – на лице Джексона засияла победная улыбка. – За все пять лет нашего знакомства, ты никогда не употреблял слово «девушка» в моем присутствии.

– Потому что я никогда их не хотел.

– *He хотел?* В прошедшем времени? А сейчас хочешь? Становится все интереснее и интереснее.

Я закатил глаза.

– У меня нет подруг, и я не собираюсь заводить случайные интрижки из-за Ливви. Не могу просить Елену присматривать за моим ребенком чаще, чем она уже это делает, пока я буду бегать на свиданки. Я и так уделяю Оливии недостаточно времени.

– Как благородно, мой друг. И глупо, – сказал Джексон. – Тебе нужно выпустить пар, иначе ты сойдешь с ума. Помнишь Фрэнка? Со второго курса? Он только и делал что учился. Его поймали, когда он употреблял дурь в перерывах между занятиями.

– Я не собираюсь употреблять наркотики, черт возьми. У меня есть ребенок.

– Да я не об этом, но юридическая школа и так ломает людей. А ты сам себя загоняешь в могилу.

– У меня все под контролем.

Джексон собирался продолжить спор, но затем, на мгновение уставившись на меня, вернулся к своим упражнениям.

– Так чем занимается эта Дарлин?

– Она танцует.

– О, значит, гибкая. Приятный бонус.

Я бросил на него грозный взгляд.

– Это хобби. А так она массажистка.

Джексон резко опустил руки и посмотрел на меня через зеркало. Я ответил тем же.

– Что? – спросил я.

– Она *массажистка*?

– Да. И что?

– Иисусе, чувак, ты растерял все свои навыки? Скажи ей, что ты напряжен, – что, кстати, правда, – и что она может попрактиковаться на тебе. Я должен тебе все разжевывать? Дьявол, если ты не собираешься с ней встречаться, то, может, я начну.

Внезапный прилип крови к лицу потряс меня, и трос выскользнул из рук, с лязгом ударившись по раме.

– Ого, полегче, тигр, – бросил Джексон, – я пошутил. Ревнуешь, да?

– Что? Нет... дерьмо, просто устал. Осталось всего несколько недель до экзамена, а через два месяца я смогу подать прошение, чтобы мое имя внесли в свидетельство о рождении Оливии. А пока... – Я пожал плечами и снова схватился за трос.

– Ничего, – вздохнул Джексон. – Ладно. Но не вини меня, если твой член иссохнет и отвалится за ненадобностью.

– Буду иметь в виду.

Джексон широко улыбнулся.

– Что насчет всего остального? Как поживает твой стипендиальный фонд?

– Исчерпает себя к тому времени, как я получу первую зарплату, – ответил я. – Безусловно, я *обязан* получить эту работу.

– Мелочи, – произнес Джексон. – Как Оливия?

– Идеальна, как и всегда.

– А Молли? Никаких новостей?

– Нет. – Трицепсы горели от усилий, которые я прикладывал на тренажере. – Как работа в «Нельсон и Мердок»? – задал я вопрос, прежде чем Джексон спросил бы что-то у меня. – Прошло два месяца. Они уже сделали тебя своим партнером?

– Это вопрос времени, – ответил Джексон, возобновив тренировку.

Я шутил лишь наполовину: Джексон – гениальный налоговый юрист, но я никогда не сказал бы об этом вслух. Его наняли на работу сразу, еще до того, как пришло уведомление об успешной сдаче экзаменов.

– Но если серьезно, расскажи мне о своих шансах устроиться к Миллеру, – попросил Джексон. – Твой конкурент еще не сломался?

– Нет, но я справлюсь. – Сделав последний рывок, я прислонился к тренажеру и потянулся к бутылке с водой. – Сегодня днем сдаем промежуточный отчет. Судья хочет убедиться, что мы оба на финишной черте.

– А ты видишь ее?

Я фыркнул.

– Конечно я вижу чертову финишную прямую. Последнее, что мне нужно, так это чтобы меня отвлекали.

– Например, красивая массажистка с гибкостью танцовщицы, которая отлично ладит с твоим ребенком и живет в десяти футах от тебя? – Джексон ехидно улыбнулся. – Отличный план, Хаас.

Я неожиданно для себя рассмеялся.

– Заткнись, Смит, или я напому администрации Гастингса, что ты так и не вернул им студенческую карту от спортзала.

Я принял душ, переоделся и сходил на два последних занятия: продвинутую правовую аналитику и историю американского права, – после чего отправился домой на поезде. У меня было предостаточно времени, чтобы быстро перекусить, переодеться в деловой костюм, проведать Ливви у Елены, а затем поехать в здание суда на встречу с судьей Миллером.

Стоило мне открыть входную дверь, как я услышал шумную возню возле квартиры Елены. Она выходила с телефоном в одной руке, с Оливией в другой, осторожно ведя хнычущего Гектора за собой. Мальчик держался за локоть, а по его лицу текли слезы. Его младшая сестра, Лаура, нервно шла позади. Я бросился к ним и забрал Оливию из рук Елены.

– Что произошло?

– Я собиралась позвонить тебе по пути в больницу, – сказала Елена со вздохом облегчения. – Кажется, Гектор сломал локоть. – Женщина посмотрела на сына строгим взглядом, в котором сквозило беспокойство. – Он *снова* прыгнул с дивана, хотя я миллион раз просила его этого не делать, и неудачно приземлился.

– Вот блин. – Я присел на корточки перед Гектором. – Ты в порядке, приятель?

Он шмыгнул носом и кивнул, его маленький рот подрагивал от сдерживаемых слез.

– Ты храбрый малый. – Я потрепал его по волосам и выпрямился. – Пойдем.

– Нет-нет, мы справимся. «Убер» вот-вот подъедет, – сказала Елена, схватившись за голову. – Ой, у тебя же сегодня важная встреча...

– Не переживай об этом.

Я проводил их до входной двери и придержал ее для них, чтобы Елена могла держать Гектора за руку на всем пути. Машина уже подъезжала к дому. Я помог усадить Гектора и пристегнуть, пока Елена усаживала Лауру.

– Мы в порядке, – произнесла женщина с заднего сиденья. – Оставайся. Может, кто-то из твоих друзей сможет присмотреть с малышкой?

– Я разберусь. Пришли мне сообщение, когда что-то узнаешь.

– Обязательно.

Я стоял на тротуаре, Оливия трепала меня за волосы, заливаясь смехом, пока они уезжали прочь. Перспектива попасть на встречу исчезла вместе с машиной, и я подумал, не упустил ли свой шанс на стажировку. Роджер Харрис, другой кандидат, вероятно, уже разбил лагерь возле кабинета судьи Миллера с коробкой его любимых сигар и готовностью целовать задницу.

В голове прокручивался список людей, которым можно было позвонить в последнюю минуту, но если и нашелся бы такой человек, то я все равно не успел бы на встречу.

– Черт, – пробормотал я.

– Челт, – повторила Оливия.

– Это слово дня на «Улице Сезам»? – раздался голос где-то позади меня.

Я обернулся и удивленно моргнул. Дарлин буквально блистала под палящим послеполуночным солнцем в своей белоснежной униформе.

– Что случилось? – спросила она. – Куда убежала Елена?

– Гектор сломал локоть, – сообщил я.

Дарлин прикрыла рот рукой.

– Ох, бедный малыш. Надеюсь, все будет в порядке. – Она обратилась к Оливии: – А ты что делаешь, сладкая горошинка? Тусуешься с папочкой?

Оливия залилась смехом, и Дарлин пощекотала ее, а потом резко выпрямилась и отодвинулась.

– Прости, – сказала она. – Я знаю, что ты предпочел бы, чтобы я... не прикасалась к ней. Но ничего не могу с собой поделать. Она слишком милая, – и склонила голову в мою сторону: – Ты всегда приходишь домой так рано?

– Нет, – выдавил я, проводя рукой по волосам. – Я пришел домой, чтобы переодеться перед встречей с судьей Миллером. Я один из кандидатов на должность его помощника, и, если пропущу эту встречу, окажусь в полной заднице...

– Заица, – снова повторила Оливия и дернула ножкой для выразительности.

– А еще я научил свою годовалую дочь двум ругательствам всего за одну минуту.

Дарлин засмеялась.

– Ты не пропустишь эту встречу. Я присмотрю за ней. – Она посмотрела на меня, когда я заколебался. – Ты сейчас серьезно?

– Дарлин...

– Слушай, я помню расклад, но тебе нужна помощь, а у меня как раз отменился клиент, – она усмехнулась. – Я научу ее слову «няня», обещаю.

Я потер подбородок.

– Ты уверена?

– Да. Я с удовольствием проведу с ней время. – Она приподняла бровь. – А ты *уверен*?

Нет, я не был уверен. Ни на йоту. Дарлин так естественно себя вела с Оливией, и я не сомневался в ее способностях няни. Но мне уже сейчас было трудно отвести от нее взгляд, а мои мысли вращались вокруг нее. И чем больше мы контактировали, тем сложнее становилась ситуация.

Сигнал тревоги разрывал меня изнутри.

«Судья Миллер! В конце концов, благодаря Дарлин ты не пропустишь встречу. Не будь дураком!»

Я покачал головой.

– Да, да, конечно. Спасибо. – Вздох облегчения, промчавшийся по всему телу, вырвался из меня. – Спасибо.

Когда мы вошли в дом, Дарлин сразу убежала к себе переодеться, я же посадил Оливию в манеж и переоделся в серые брюки и белую рубашку. Дарлин постучала, когда я попытался завязать галстук перед зеркалом.

– Ты готов?

– Да, входи. – Я бросил на нее быстрый взгляд через зеркало, а потом отошел.

На Дарлин были надеты легинсы и безразмерная белая футболка до середины бедра. Ничего вычурного, но она только украсила ее стройное тело, каким-то образом подчеркивая ее изящные линии и манящие изгибы так же идеально, как если бы на ней было обтягивающее платье.

«У тебя не было секса десять месяцев. Ты завелся бы, даже надень она мешок».

Я прочистил горло и прикрыл себя столом.

– Итак... номера экстренных служб на холодильнике, – указал я, перебирая бумаги и бросая в портфель те, которые могли бы мне сегодня пригодиться. – Но, честно говоря, если что-нибудь случится, то сперва звони 911, а потом мне.

– Поняла, – Оливия завизжала, требуя внимания. Дарлин взяла ее на руки и посадили на свое бедро. – О, но у меня нет твоего номера.

Я нацарапал номер на листке бумаги и протянул ей.

– Запиши свой, – попросил я и, пожав плечами, надел пиджак, который ждал своего часа на стуле.

Дарлин выводила ручкой цифры на бумаге, пока Оливия играла с ее волосами.

– Подожди. Ты не можешь его забрать с собой, иначе я останусь без твоего номера. Дай мне мобильный, я введу номер.

– Нет необходимости. – Я взял клочок бумаги, делая мысленную фотографию номера, и вернул его обратно. – Запомнил.

Улыбка Дарлин была до невероятного прекрасна и забавна одновременно.

– Мегамозг наносит новый удар.

Я наклонился поцеловать Оливию и уловил аромат парфюма Дарлин, смешанный с массажным маслом.

– Звони по любому поводу, – и направился к двери. – Я вернусь через полтора часа. Максимум через два.

– Без проблем. Все будет хорошо, да, горошинка? Скажи папе пока.

– Пока-пока, папочка, – выдала Оливия и помахала рукой, сидя на стройном бедре Дарлин.

Моя дурацкая память запечатлела и эту картину тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.